

мѣстные болгары сказываютъ, что тамъ, на горахъ, сѣна не найдется.

Только что мы успокоились, какъ въ первомъ часу ночи прѣхалъ казакъ съ приказаніемъ, чтобы и остальные сотни выходили изъ Траяна, направляясь далѣе въ горы, по берегу Бѣлой-Осмы. Ѣхать этою дорогою, да еще въ темнотѣ, было мученье, но за то Осма въ этихъ мѣстахъ такъ прекрасна, такъ живописно крутится и падаетъ водопадами на обрывъ и быстрыми, прозрачными волнами катится по каменистому дну. У кулибъ (кулибами называются у болгаръ хутора въ двѣ-три хаты, разбросанные по горамъ) мы кое-какъ переправились въ бродъ черезъ Осму и на маленькой площадкѣ догнали свои передовыя сотни, пѣхоту и батарею, изъ которой уже два орудія были разобраны по частямъ, для облегченія подъема. 10-й же стрѣлковый баталіонъ, какъ намъ сказали, еще до свѣта полѣзъ на кручу и съ нимъ болгарская чета Цеко Петкова съ частью саперъ.

Глядя на первый подъемъ каждый задавалъ себѣ вопросъ: „да какъ же тутъ влѣзешь“? Но рассуждать и раздумывать было некогда. Подана команда, движеніе и подъемъ начались. Какія усилія! Ѣдешь верхомъ—лошадь ложится въ снѣгу по брюхо; слѣзешь, пѣшкомъ пойдешь—задыхаешься отъ усталости, начинаешь на четверенькахъ карабкаться. По неволѣ пришлось браться (казаки придумали) за хвосты своихъ лошадей; этотъ послѣдній способъ для движенія, правда, легче другихъ, но въ глубокомъ снѣгу самъ не всегда поспѣешь за конемъ, потому что то и дѣло путаешься ногами, спотыкнешься, упадешь и волочишься за лошадью, а мерзлый снѣгъ набирается въ рукава, за голенища, за воротникъ,—холодно, мокро, мерзко вдругъ станетъ. Пройдемъ такимъ-то образомъ шаговъ пятьдесятъ и—стой! Роздыхъ необходимъ, и весь отрядъ останавливается. Поминутныя задержки то впереди, то сзади. Каждое тѣло орудія, безъ лафета, колесъ и прочихъ принадлежностей, везли восемь паръ буйволовъ, да кромѣ того еще впереди за лямки тянули цѣлая рота пѣхоты и сотня казаковъ. Смѣны казаковъ солдатами и солдатъ казаками происходили чуть не поминутно, и каковы же были усилія, если и при столь

частыхъ смѣнахъ люди доходили каждый разъ до крайняго изнеможенія. На каждомъ шагу требовались просто нечеловѣческія усилія. А между тѣмъ все выше и выше поднимались мы, дышать становилось все труднѣй и труднѣй. Морозный воздухъ на высотахъ былъ очень разрѣженъ. У многихъ кровь пошла носомъ, иные закашляли кровью. Мѣстами, расчищая дорогу, открывали ту мостовую, которую въ отдаленной древности строили здѣсь легіоны Траяна; по мѣстнымъ болгарскимъ преданіямъ, въ древнія времена здѣсь не разъ и не мало гибло войскъ и римскихъ, и иныхъ, въ борьбѣ съ неодолимою природою. Неужели и намъ суждено погибнуть?—невольно думалось каждому, тѣмъ болѣе, что болгары предупреждали, что если поднимется вьюга, то спасенія уже нѣтъ никакого. Какіе странные подъемы: лѣзешь, лѣзешь, кажись безъ конца; по суммѣ времени и утомленію сдается такъ, будто проползъ уже и весьма значительное пространство, выбился изъ силъ; дадутъ вздохнуть, помотришь назадъ, а хвостъ отряда—вотъ онъ, рукой подать! Это значитъ, что для того, чтобы влѣзть на какой-нибудь уступъ, нужно сначала обойти его по кое-какимъ отлогостямъ и карнизамъ, а иначе напрямикъ подняться нечего и думать. А то еще эти карнизы!.. Тропинка самая узенькая тянется въ гору: помотришь въ одну сторону—бездонная пропасть, куда рискуешь слетѣть при малѣйше невѣрномъ шагѣ, а съ другой стороны страшная скала нависла, какъ будто хочетъ васъ спихнуть въ эту пропасть. При входѣ такими мѣстами, иной разъ нервныя мурашки по тѣлу пробѣгали. Стараешься ужъ лучше и не глядѣть, особенно внизъ, а смотришь только прямо предъ собой. Такъ-то какъ будто все же лучше съ непривычки.

Наконецъ, голова колонны остановилась. Что это значитъ? Конецъ движенію, что ли? Послали справиться. Говорятъ, бывший турецкій карауль, брошенная овчарня. Подѣхалъ и я къ полуразрушенной каменной постройкѣ и здѣсь познакомился съ новыми лицами. То были генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, начальникъ нашего отряднаго штаба, которому было поручено сдѣлать рекогносцировку укрѣпленій на перевалѣ, и штабъ-ротмистръ Всево-

лодь Владиміровичъ Крестовскій, присланный въ передовой эшелонъ отряда въ качествѣ ординарца и въ помощь полковнику Сосновскому при рекогносцировкѣ и для проложенія пути на Траяновъ-Черепъ. Тамъ же находились и еще двѣ замѣчательныя личности: атамамъ болгарской четы Цeko Петковъ, извѣстный всей Болгаріи какъ народный герой, всю жизнь свою посвятившій на борьбу съ турками въ балканскихъ тущобахъ, и настоятель болгарскаго Траянова монастыря, отецъ Макарій. Что за симпатичный и достойнѣйшій человекъ! Многимъ мы ему обязаны. На пустынныхъ высяхъ, разумѣется, ужь ничего не достанешь ни за какія деньги, а онъ доставлялъ намъ сюда на монастырскихъ вьюкахъ и хлѣбъ, и мясо жареное и вареное, вино и ракію. Конечно, не одинъ я изъ участниковъ Траянскаго перехода вспомню его съ теплою сердечною благодарностью.

У овчарни дали отдохнуть отряду и двинулись дальше.

— Да далеко еще до вершины?

— А вонъ, надъ этими облаками,—видите обнаженный, словно бы блестящій холмъ, вотъ тотъ, что кажется, будто слился съ облаками,—это и есть высшая точка Траянова перевала, такъ называемый Траяновъ-Черепъ.

— Это туда взбираться?..

— Туда.

— Благодарю покорно! Моціонъ, значить, предстоитъ еще не малый.

А назадъ на пройденное пространство посмотришь,—такъ какъ будто все покрыто туманомъ, изъ котораго торчатъ кое-гдѣ отдѣльныя верхушки горъ и лѣсовъ. Кажется, будто мы уже далеко, далеко отъ всего живаго,—ни одна птица не пролетитъ, даже горные орлы куда-то запрятались отъ этого жестокаго мороза. Одинъ лишь человекъ пытается пока еще продолжать борьбу съ суровою природой... Идешь и вдругъ обдаешь тебя какимъ-то густымъ бѣлымъ туманомъ, въ которомъ почти нечѣмъ дышать; затѣмъ чрезъ нѣсколько времени опять прояснится все вокругъ и тутъ замѣчаешь, что вся одежда твоя покрыта цѣлыми слоями морозной пыли. Это значить, что одно какое-нибудь облако, спустившись ниже другихъ, проходя по скаламъ, оставило часть

своихъ клочковъ въ какомъ-нибудь заслоненномъ отъ вѣтра пространствѣ или въ чащѣ буковаго лѣса, и мы попали именно въ тотъ застрѣвшій клочекъ облака.

Надо замѣтить одну изъ особенностей центральныхъ Балканъ. Они покрыты разнороднымъ лѣсомъ лишь до пяти тысячъ футовъ высоты, но выше этой черты нѣтъ никакой растительности. Такъ и на Траянѣ—последній предѣлъ его растительности составляетъ буковый лѣсъ, деревья коего достигаютъ громаднхъ размѣровъ. Миновавъ этотъ лѣсъ, мы подошли къ последнему подъему, откуда начинается уже голый Черепъ и къ семи часамъ вечера были на его вершинѣ. Говоря относительно и принявъ въ соображеніе всѣ предварительные труды, это было чрезвычайно быстро,—но за то и стоилъ же намъ просто невозможныхъ усилій этотъ подъемъ!... По поясъ въ снѣгу, какъ-нибудь ошибешься ступить ногой, и проваливаешься еще глубже или покатишься назадъ. Хорошо еще, что снѣгъ былъ не совсѣмъ-то рыхлый, такъ что могъ сдерживать упавшаго человека своею плотностью, а то бѣда бы!...

Между тѣмъ къ семи часамъ уже совсѣмъ стемнѣло, такъ что не только производить рекогносцировки, но и впередъ двигаться было возможно съ крайнимъ трудомъ, почти что ощупью: ни предъ собою, ни съ боковъ ничего не видно—повсюду стоитъ какъ стѣна одна лишь бѣлесоватая мгла, въ которой исчезали всѣ очертанія даже ближайшихъ предметовъ.

Поднявшись на самый Черепъ, отрядъ остановился, и начальствующія лица сошлись на совѣщаніе, что и какъ теперь сдѣлать. Рѣшили послать впередъ болгарскую чету вмѣстѣ съ охотниками; за ними—10-й стрѣлковый баталіонъ, а за баталіономъ мой полкъ. Но какъ только тронулись стрѣлки, въ сторонѣ вдругъ загорѣлся огромный костеръ. „Что это значитъ“? спрашивали мы другъ у другъ. „Кто это вздумалъ оказать намъ нехстати такую услугу“? Но на эти вопросы, конечно, никто не могъ дать пока удовлетворительнаго отвѣта, впослѣдствіи же оказалось, что это былъ предупредительный сигнальный огонь, вслѣдствіе чего наши передовые охотники, будучи подпущены къ под-

крѣпленію на самую близкую дистанцію, были встрѣчены сначала отдѣльными выстрѣлами, а затѣмъ и залпами. Но отрядъ, несмотря на это, все-таки продолжалъ свое движеніе впередъ, такъ какъ задача его заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать демонстрацію, съ цѣлью отвлечь къ Траяну часть турецкихъ силъ отъ Шипки и Златицы, дабы облегчить операцію спуска нашимъ сосѣднимъ отрядамъ и въ особенности отряду М. Д. Скобелева. Въмѣстѣ со строевыми частями двигались впередъ и наши коноводы, даже офицерскіе व्यюки. Подполковникъ Сосновскій на послѣднемъ совѣщаніи высказалъ предположеніе, что если удастся взять укрѣпленіе „въ лобъ“, то, не ограничиваясь демонстраціей, въ эту ночь перевалить на южный склонъ хребта, что, во всякомъ случаѣ, при нашихъ ничтожныхъ силахъ и средствахъ было бы крайне рискованно. Въ виду возможности если не перевалить въ Долину Розъ, то заночевать въ самомъ турецкомъ укрѣпленіи (буде удастся имъ овладѣть), вѣрно было двигаться и व्यюкамъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и व्यюки, и коноводы могли бы удобно оставаться и на мѣстѣ нашего послѣдняго роздыха на самой вершинѣ. А то вышло, что при отступленіи, которое, впрочемъ, въ началѣ не предполагалось, они только крайне затруднили движеніе строевыхъ частей по узкой тропинкѣ.

Отрядъ развернулся предъ укрѣпленіемъ въ боевой порядокъ, но огня не открывалъ, дабы не обнаруживать свою количественную слабость. Ему предстояло только заявить свое присутствіе въ этомъ недосыгаемомъ мѣстѣ и оставаться пассивно въ теченіи извѣстнаго времени подъ выстрѣлами противника. За то и открыли же турки по насъ огонь, да какой!—не тотъ шальной огонь, наобумъ, къ какому мы приглядѣлись уже подъ Ловчей и Плевной, а огонь совершенно правильными залпами, съ выдержкой, по командѣ, что явно указывало на присутствіе въ укрѣпленіи не ополченскаго сброда, а регулярной и очень хорошо дисциплинированной части. Вотъ уже и раненые встрѣчаются, и ни имъ, ни коноводамъ невозможно своротить съ тропинки. Перевязку, за неимѣніемъ доктора, оставленнаго на перевязочномъ пунктѣ у овчарни, дѣлалъ моего полка ветеринарный

врачъ Котлубай, никогда и ни въ какихъ случаяхъ не оставявшій строевыхъ частей полка, почему не рѣдко приходилось ему исполнять обязанности даже и строевыхъ офицеровъ. Дѣлать перевязку въ темнотѣ, конечно, трудно; поэтому зажгли отыскавшійся въ чьемъ-то выюкѣ фонарь или просто свѣчу,—не помню ужъ въ точности. Но чуть лишь показался этотъ свѣтъ, какъ на него сразу направились непріятельскіе залпы. Пришлось потушить огонь, хотя выстрѣлы и послѣ того нѣсколько времени продолжались еще въ томъ же направленіи. Хочется курить. Кто-то по близости зажегъ спичку подъ полой бурки, но и этого слабого отсвѣта было достаточно, чтобы новыя пули усиленно зажужжали около насъ. Такъ и не удалось выкурить папирску. Непріятель старался бить на свѣтъ или на звукъ голоса, и, принявъ въ соображеніе число раненыхъ у насъ въ этомъ дѣлѣ, надо сознаться, что попытки его были не совсѣмъ-то неудачны. Въ такомъ положеніи, изображая изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ мишени для противника, пробыли мы, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ турецкаго укрѣпленія, съ семи часовъ вечера до трехъ часовъ утра, при лютомъ морозѣ. Въ четвертомъ часу говорятъ—отступать приказано. Но что это было за отступленіе!... Я ужъ и разобрать ничего не могъ. Каша какая-то на одной узенькой тропинкѣ.

Вышли мы наконецъ изъ-подъ выстрѣловъ на то мѣсто Черепа, откуда начали нашу демонстрацію къ турецкому укрѣпленію. Здѣсь подулъ вдругъ очень рѣзкій и холодный вѣтеръ, такъ что солдаты и казаки только топчутся, да подпрыгиваютъ на мѣстѣ, чтобы согрѣться и не отморозить ногъ. А было уже довольно таки ознобленныхъ! Подошелъ ко мнѣ мой старшій офицеръ, войсковой старшина Грузиновъ, и заявилъ, что китки всѣ поѣдены и лошадей невозможно держать въ поводу отъ холода. Я сказалъ объ этомъ подполковнику Сосновскому и просилъ, если не будетъ наступленія, позволить мнѣ съ полкомъ спуститься съ голаго Черепа и стать въ буковомъ лѣсу, гдѣ болѣе защиты отъ вѣтра; на это онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и весь передовой отрядъ спускался, оставивъ лишь малую часть для наблюденія за непріателемъ.

Спускъ обратно былъ до такой степени тяжелъ и непріятенъ, что и теперь вспоминаю я о немъ скорѣе какъ о какомъ-нибудь сонномъ кошмарѣ, чѣмъ о дѣйствительности, пережитой нами. Морозная ночь, студенный завывающій вѣтеръ, ни зги не видно... Въ потьмахъ мы сбились съ пути нами же самими проложеннаго, и, перемѣшавшись какъ попало, мѣстами просто кубаремъ катились куда-то внизъ съ такой кручи, гдѣ держаться на ногахъ окончательно не было никакой возможности. Ничего нельзя было разобрать. Солдаты, упираясь на ружья, падали и при паденіи дѣлали печальные выстрѣлы, такъ что того и гляди что ранять, и при этомъ постоянныя остановки вслѣдствіе чрезмѣрнаго скученія людей и лошадей, предъ разными преградами въ видѣ скаль или обрывовъ и полной неизвѣстности куда и какъ теперь двигаться. Старались только, скорѣе по инстинкту, чѣмъ по какимъ-либо признакамъ, держаться на сѣверъ. Порой совсѣмъ уже казалось, что природа начинаетъ окончательно преодолевать всѣ наши невѣроятныя усилія въ борьбѣ съ нею... Знаю только, что мѣтко и справедливо назвалъ тогда же это отступленіе „картиною изъ Дантова Ада“ одинъ изъ участниковъ дѣла этой достопамятной ночи.

Наконецъ, ужъ подъ утро, добрались мы до лѣса, гдѣ оставленные нами резервныя части и артиллеристы всю ночь жгли огромные костры. Какъ отрадны были намъ свѣтъ и тепло, расточаемые ими! Подошелъ я къ одному изъ такихъ костровъ: сидятъ вокругъ него человекъ двадцать солдатъ, нѣкоторые уже снимали сапоги, сушатъ портянки, словомъ, совсѣмъ какъ дома. Лежить тутъ же на снѣгу какая-то фигура съ закутанною въ башлыкъ головой, гляжу—башлыкъ почти загорается отъ откатившихся горящихъ головней.

— Гляди-ка, братцы, голова горить!

— Ничего!—отвѣчаетъ кто-то:—башлыкъ казенный: не загорится.

Оказалось, однако, что вовсе не казенный: это лежалъ штабъ-ротмистръ Крестовскій, только-что спустившійся съ нами съ Черепа, и уже спалъ, какъ убитый. Да и многіе заснули такимъ же мертвымъ сномъ послѣ понесенныхъ трудовъ, и

заснули просто на снѣгу, одѣтые въ заледенѣлое платье. Здѣсь, въ этомъ лѣсу, пришлось прожить намъ до 26-го числа декабря, пока не стянулся весь отрядъ. Приѣхалъ графъ Татищевъ и до прибытія генерала Карцова принялъ, по его приказанію, начальство, а подполковникъ Сосновскій уѣхалъ въ квартиру отряднаго штаба. Посланныя на деревню Шипково правѣ насъ двѣ сотни, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова, возвратились къ отряду, такъ какъ для нихъ не оказалось никакой возможности перейти въ предназначенномъ мѣстѣ; благодаря этому обстоятельству, нашъ полкъ собрался въ полномъ своемъ составѣ. Здѣсь въ первый разъ я познакомился съ Владиміромъ Александровичемъ Сухомлиновымъ, съ которымъ послѣ не разставался, и даже одно время жили мы вмѣстѣ. Отличный офицеръ, смѣлый въ дѣлахъ и неутомимый наѣздникъ, но самое главное въ немъ то, что, несмотря на свои теоретическія познанія, онъ всегда принималъ къ свѣдѣнію и соображенію совѣты и мнѣнія другихъ, познанія которыхъ основаны на практикѣ, мы все его очень любили и уважали.

Такъ какъ графу нужно было много писать, то приказали построить шалашъ, который отъ костра у насъ загорѣлся, и мы много смѣялись потомъ, вспоминая, какъ мы выскакивали изъ него. Впрочемъ, постройка такая незатѣйливая, что нашъ шалашъ сейчасъ же и возобновили. Лежимъ вокругъ костра какъ байбаки, конечно, не раздѣваясь, а чуть пригрѣешься возлѣ огня, какъ по тѣлу начинается зудъ. Вы, полагаю, догадываетесь о причинѣ. Одно моего офицера этотъ зудъ заставилъ перемѣнить бѣлье здѣсь же, на воздухѣ, при двадцати двухъ градусахъ мороза.

25-го числа, вечеромъ, позвалъ меня графъ Татищевъ и объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ отступать не будетъ, а рѣшился во что бы ни стало взять Орлиное-Гнѣздо. Но такъ какъ на Траянѣ у турокъ есть еще одно укрѣпленіе вправо отъ Орлинаго-Гнѣзда, прикрывающее спускъ на Карнаре, то предварительно нужно взять это правофланговое укрѣпленіе, а потомъ уже брать Орлиное-Гнѣздо; поэтому графъ поручаетъ мнѣ командованіе обходною колонной, въ которую войдутъ 1-й баталіонъ Старо-Ингерманландскаго,

полка, стрѣлковая рота Ново-Ингерманландскаго, 10-й стрѣлковый баталіонъ, и четыре сотни моего полка и одно 9-ти фунтовое орудіе; и такъ какъ обходной колоннѣ пужно подойти къ цѣли ея дѣйствій по возможности скрытно, то я долженъ двинуться съ мѣста въ два часа ночи. Я поблагодарилъ за столь лестное для меня назначеніе и пошелъ сдѣлать кое-какія распоряженія. Не спалось мнѣ всю эту ночь,—все думалось о завтрашнемъ днѣ, да о томъ, какъ бы пообстоятельнѣе выполнить возложенную на меня обязанность, да и о томъ еще, кто-то изъ насъ живъ останется... А сегодня-то какой день—Рождество Христово!... Представилась мнѣ домашняя семейная картина: теплая комната; вечеръ, мягкій свѣтъ лампы; жена сидитъ и, по обыкновенію, читаетъ или работаетъ; около нея дѣти на полу играютъ. Вотъ она пріостановилась со своею работою, посмотрѣла на дѣтей и задумалась. О чемъ и о комъ она думаетъ? Можетъ-быть и меня вспомнила: „гдѣ-то онъ теперь, въ эту минуту“?... Странно даже, до какой степени живо въ такихъ случаяхъ рисуется воображеніе подобныя картины! Влѣво отъ меня костеръ освѣщаль нѣсколько солдатскихъ молящихся фигуръ. Съ какимъ усердіемъ молились эти люди и какъ серьезны были ихъ лица! Да, вотъ она несомнѣнно искренняя молитва!...

Когда къ двумъ часамъ ночи собралась моя колонна, въ лѣсу раздался вдругъ необычайный шумъ. Громадныя буки гнулись вѣтвями чуть не въ половину до земли; искры отъ костровъ вереницами понеслись по воздуху; вѣтеръ рвалъ шапки и полы одежды и былъ такъ силенъ, что мы съ трудомъ держались на ногахъ. Трескъ и гулъ пошелъ по лѣсу ужаснѣйшій. Болгары-четники съ безпокойствомъ сообщили, что это балканскій ураганъ и что если онъ не уймется вскорѣ, то насъ замететъ снѣжными массами. Минута была критическая. Каждый снялъ шапку и перекрестился. Неужели и вправду погибеть? Но, къ нашему счастью, верхняя кора снѣга на Черепѣ заледенѣла настолько, что вѣтеръ не могъ свободно взметать его, да и самый ураганъ продолжался лишь нѣсколько минутъ, и какъ мгновенно начался онъ, такъ же мгновенно и кончился. Все утихло разомъ и въ

природѣ водворилось прежнее спокойствіе ясной ночи. Эти ураганы всегда таковы бываютъ на вершинахъ Балканъ: сразу налетитъ словно шкваль, и разомъ утихнетъ. Постепеннаго ослабѣванія силы вѣтра здѣсь нѣтъ, и большая или меньшая степень опасности зависитъ лишь отъ того, каково состояніе снѣговъ и сколько времени ураганъ будетъ продолжаться.

Я уже говорилъ, насколько тяжелъ путь на Траянѣ; поэтому, пока мы дошли до назначенной позиціи, стало совсѣмъ уже свѣтло, и чуть лишь въ виду непріятели показалась голова моей колонны, какъ турки открыли артиллерійскій огонь, но по первому же выстрѣлу мы увидѣли, что это стрѣляетъ горное орудіе, — слѣдовательно, мы-то со своимъ девятифунтовымъ имѣемъ надъ противникомъ громадное преимущество. Рядомъ со мною стоялъ войсковой старшина Грузиновъ; когда одна изъ турецкихъ гранатъ пролетѣла надъ нашими головами такъ близко, что нѣкоторыя изъ окружавшихъ насъ, по безотчетному инстинкту самохраненія, пригнулись или присѣли; „садись не садись, — она и сидячаго придавить“, — прехладнокровно замѣтилъ при этомъ Грузиновъ, свертывая себѣ папиросу. „Ваше высокоблагородіе, гранаты летятъ такъ близко, ажъ по пикамъ звенятъ“, — доложилъ ему подѣхавшій вахмистръ его сотни. „А ты, дурень, руки разставь, да и лови ихъ“, усмѣхнулся въ отвѣтъ Грузиновъ, не измѣняя позы. Тотъ, сконфузившись, поѣхалъ на свое мѣсто. Оказалось, впрочемъ, что дѣйствительно сотня стояла слишкомъ открыто, въ чемъ не было никакой надобности, и бесполезно служила лишь отличною мишенью для непріятели. Грузиновъ сознавалъ свою ошибку и послалъ сказать, чтобы казаки спустились по ущелью нѣсколько ниже. Но вахмистръ съѣлъ отъ него „дурня“, затѣмъ, чтобы казачки пообтерпѣлись и на собственномъ опытѣ убѣдились, что огонь съ близкой дистанціи совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ кажется.

Между тѣмъ, изъ стрѣлковой цѣпи прислали спросить, не позволю ли я наступать, такъ какъ цѣпь стоитъ на открытомъ склонѣ предъ редутомъ и несетъ большія потери. Я приказалъ начать наступленіе, тѣмъ болѣе, что и главная колонна

уже заняла свою линію предъ Орлинымъ-Гнѣздомъ и вступила въ стрѣлковый бой съ защитниками главнаго Траянскаго укрѣпленія. Передовыя части моей колонны вель командиръ 1-го баталіона Старо-Ингерманландскаго полка майоръ Ивановъ. Онъ преспокойно построилъ стрѣлковъ въ двѣ шеренги на разомкнутыхъ дистанціяхъ, и по командѣ, словно на ученіи, открылъ огонь залпами. Турки вздумали было и сами затѣять что-то вродѣ встрѣчнаго наступленія и потому начали выскакивать изъ укрѣпленія впередъ за брустверь. Наша пѣхота быстро пошла въ атаку; я же, увидѣвъ попытку турокъ и зная по предшествовавшимъ опытамъ, что едва ли они выдержатъ нашъ лихой натискъ, приказалъ 1-й и 2-й сотнямъ быть на готовѣ и, чуть лишь турки дрогнуть и покажутъ тылъ, догонять и бить ихъ, какъ можно скорѣе. Начальство надъ этими двумя сотнями было вручено мною Грузинову. Такъ оно и случилось; но когда казаки достигли до гребня южнаго склона, то спускъ оказался такъ страшно крутъ, почти отвѣсенъ, что конница могла двигаться лишь съ крайнимъ трудомъ—отнюдь не быстрѣе, если даже не медленнѣе пѣхоты. При такихъ условіяхъ мѣстности турки, разумѣется, успѣли спуститься скорѣе нашихъ и заняли сады и ограды вокругъ деревни Карнаре, гдѣ и встрѣтили сотни Грузинова самымъ частымъ огнемъ. Въ это время по дорогѣ изъ Карлово къ Карнаре поспѣшалъ еще одинъ свѣжій таборъ турецкой пѣхоты на подкрѣпленіе. Тутъ наши стрѣлки, успѣвшіе тоже спуститься, отлично помогли казакамъ; Грузиновъ же, замѣтя, что турецкая цѣпь, благодаря огню стрѣлковъ, стала перебѣгать ближе къ деревенскимъ строеніямъ, приказалъ своимъ распустить значки (въ каждой сотнѣ мы имѣли разныхъ цвѣтовъ значки съ нашитыми крестами, для того, чтобы казаки во время сбора послѣ атаки могли видѣть сборный пунктъ своей сотни) и затѣмъ скомандовалъ: „пикъ къ атакѣ! Станишники за мной, не отставай!“—бросился на перебѣгавшихъ турокъ во главѣ своихъ сотенъ. Долина Тунджи огласилась казачьимъ гикомъ, который далеко, далеко откликнулся по горнымъ ущельямъ. Казаки, можно выразиться, пронизали деревню насквозь по ея улицамъ, гдѣ осталось

не мало тѣлъ непріятельскихъ, положенныхъ почти исключительно страшными ударами пикъ. Бывали случаи, что когда казакъ на скаку кололъ съ наклономъ пика внизъ, то нерѣдко сломавшаяся при такомъ ударѣ пика оставалась въ трупѣ, какъ бы пригвозждая его къ землѣ; были удары въ лицо, пробивавшіе насквозь затылокъ. Баталіонъ низама, шедшій на помощь изъ Карлова, тоже былъ смятъ казаками. За деревней ихъ встрѣтила сотня черкесовъ, прикрывавшая отступление обоза. Грузиновъ разсыпалъ своихъ наѣздниковъ и открылъ сильный огонь. „Странно, думалось мнѣ:— почему онъ не атакуетъ ихъ на такой равнинѣ? И я послалъ къ нему ординарца сказать, чтобъ онъ непременно атаковалъ; между тѣмъ гляжу—Грузиновъ всетаки остается въ разсыпномъ строю на мѣстѣ. Это меня даже взбѣсило, тѣмъ болѣе, что наступившая вскорѣ темнота вечера заставила окончить бой. Приѣхалъ ко мнѣ тогда Грузиновъ и отрапортовалъ, что, по его распоряженію, разѣзды посланы во всѣ стороны, а вокругъ деревни Карнаре поставлены пикеты. „Вы мнѣ, г. полковникъ, приказали атаковать; но этого нельзя было сдѣлать“,—добавилъ онъ: „между черкесами и нами неожиданно оказалась глубокая и широкая канава съ кустарниками розъ, въ которыхъ засѣла турецкая пѣхота и ждала нашей атаки“. Упоминаю объ этомъ фактѣ потому, что онъ достаточно обрисовываетъ какъ хитрость черкесовъ, такъ и сметку казаковъ. Разумѣется, атакуй казаки, они понесли бы большой уронъ.

Еще на вершинѣ Траяна, тотчасъ же послѣ успѣшнаго исполненія моею колонной возложеннаго на нее порученія, я послалъ сказать графу Татищеву, что непріятель выбить изъ правофланговыхъ укрѣпленій и я преслѣдую его по южному склону на Карнаре. А изъ сего послѣдняго селенія, сейчасъ же по занятіи онаго, мною было отправлено графу новое донесеніе о результатѣ дѣла и о томъ, что у непріятеля частями мнѣ ввѣренными отбитъ цѣлый обозъ съ патронами, снарядами и продовольственными запасами, въ особенности найдено много рису, галетъ и бочки пороху; кромѣ того взято знамя, значекъ черкесской сотни и много вѣдѣнныхъ, въ числѣ коихъ и самъ командиръ баталіона.

Въ то время, какъ я передавалъ посланному пакетъ съ этимъ донесеніемъ, пріѣхалъ отъ графа Татищева казакъ и подалъ мнѣ отъ него записку, въ которой графъ извѣщаетъ меня, что Орлиное-Гнѣздо онъ взялъ и теперь преслѣдуетъ непріятеля по южному склону на Текке, мнѣ же предлагаетъ отдѣлить изъ моей колонны часть, которую и направить на деревню Текке, съ цѣлью перерѣзать путь отступленія непріятелю, что и было мною исполнено. Такимъ образомъ на Текке послана 3-я рота Старо-Ингерманландскаго полка, подъ начальствомъ капитана Шелепова; и этой ротѣ, еще не доходя до Текке, пришлось встрѣтиться съ непріателемъ. На курганѣ, поросшемъ кустарниками, засѣло десять человѣкъ турокъ, которые защищались до того стойко, что рота была вынуждена взять курганъ штыковымъ штурмомъ, причѣмъ лишилась своего любимаго фельдфебеля и пяти рядовыхъ; но за то и защитники кургана были всѣ до единаго переколоты штыками. Оказалось, что это были помаки, т. е. болгары, принявшіе магометанство: они вообще самыя заклятыя враги наши и болгарскіе.

Ночью мною была получена записка отъ графа Татищева съ приказаніемъ явиться къ нему рано утромъ въ деревню Текке. Но подѣзжая къ этой деревнѣ, я встрѣтилъ самого графа, который, вслѣдствіе измѣнившихся соображеній, со всею своею колонной переходилъ въ деревню Карнаре.

28-го числа начальникъ Траянскаго отряда, генералъ-лейтенантъ Карцовъ, объѣхалъ всѣ части и поздравилъ ихъ съ молодецкимъ дѣломъ, причѣмъ объявилъ радостную вѣсть о взятіи Шипки.

29-го декабря весь мой полкъ вмѣстѣ со Старо-Ингерманландскимъ были отправлены въ городъ Карлово. Долина Тунджи показалась намъ вполне прелестною, —недаромъ она носитъ поэтическое названія „Долины Розъ“, которыхъ здѣсь дѣйствительно и не оберешься—такое множество розовыхъ кустовъ, и на каждомъ шагу. Воздухъ дивный, мягкій и дышется имъ такъ легко... На всемъ пути до Карлова мы любовались прелестными видами горъ и панорамой долины и такимъ образомъ незамѣтно дошли до города. Очень хорошенькій городокъ: подъ самыми горами, на ровномъ мѣстѣ;

домовъ, разоренныхъ турками, немного, за то церкви разграблены и поруганы самымъ кощунственнымъ образомъ.

Жители вышли къ намъ на встрѣчу, и что насъ удивило—громадное большинство ихъ составляли женщины. Оказывается, что еще послѣ (июльскаго) похода русскихъ за Балканы, турки перерѣзали почти всѣхъ карловскихъ мужчинъ. Спасся лишь тотъ, кто успѣлъ какъ-нибудь скрыться или запрятаться. Но за то при нынѣшнемъ бѣгствѣ турокъ и болгары не миловали своихъ палачей: на карловскихъ улицахъ лежало не мало обезображенныхъ турецкихъ труповъ.

Намъ отвели прехорошенькую квартиру въ обширномъ болгарскомъ домѣ, который еще лѣтомъ былъ покинутъ его хозяевами. Здѣсь помѣстилась большая часть офицеровъ моего полка. Мы нашли въ этомъ домѣ достаточно уцѣлѣвшей мебели и небольшое количество болгарскихъ и русскихъ книгъ и между послѣдними романъ Вс. Крестовскаго „Внѣ Закона“. Подумаешь, гдѣ пришлось автору неожиданно встрѣтиться съ однимъ изъ своихъ произведений!.. Въ особенности привлекли насъ своимъ восточнымъ комфортомъ мягкіе, длинные турецкіе диваны съ вальками и подушками; можете себѣ представить, какъ сладко и спокойно заснули мы на нихъ послѣ пяти ночей, проведенныхъ въ снѣгу Траянскаго Балкана, на высотѣ болѣе 5,000 футовъ, при 20-ти градусномъ морозѣ!

31-го числа привели изъ передовой цѣпи турецкаго парламентера. То былъ военный врачъ эфенди Мойсъ,—судя по имени и хитрости, вѣроятно еврей. Много и много наболталъ онъ всякой всячины графу Татищеву, который, впрочемъ, мало ему повѣрилъ и отправилъ его подъ конвоемъ казаковъ въ Карнаре къ генералу Карцову, откуда въ тотъ же день генераль отослалъ Мойса въ главную квартиру, гдѣ, однако, онъ, кажется, не былъ принятъ Великимъ Княземъ.

Подъ вечеръ 31-го пришелъ нашъ полковой докторъ Заблудовскій, и торжественно поставилъ на столъ бутылку шампанскаго, говоря: „Сегодня, господа, встрѣча Новаго года, и я досталъ вамъ вина“.—Да гдѣ же, голубчикъ док-

торъ? Гдѣ и какъ? Какими судьбами?—подскочили къ нему офицеры съ разспросами:—вѣдь это, значить, у насъ будетъ настоящая встрѣча, съ шампанскимъ, хоть и въ довольно мизерномъ количествѣ. Все-таки ура!.. Отлично!.. Молодецъ докторъ! — Потѣшная, право, эта молодежь! Подумаешь: давно ли братались со смертью, давно ли при лютомъ морозѣ коптели свои лица подъ ѣдкимъ дымомъ бивуачныхъ костровъ, и рады радешеньки были бы съ холоду хоть одному глотку прескверной раки, а тутъ вдругъ, мало того, что шампанское, но еще выкопали они гдѣ-то въ туалетномъ столѣ хозяйки рисовую пудру и напудрились, и ну плясать.

Мы сядились обѣдать, когда въ городъ вступали остальные части Траянского отряда и съ ними генераль Карцовъ со штабомъ.

— Господа! Крестовскій ѣдетъ! — сказала кто-то, смотря въ окно.—Зовите его; я думаю, мы найдемъ и ему помѣщеніе, да кстати поднесемъ ему въ сюрпризъ его „Внѣ Закона“. Такимъ образомъ залучили мы къ себѣ на житье Крестовскаго, и онъ, прямо съ перехода, голодный и усталый, былъ очень благодаренъ за нашъ товарищески радушный приѣмъ, а вечеромъ, по общей нашей просьбѣ, прочелъ намъ свои, составленныя лишь наканунѣ, замѣтки о Траянскомъ перевалѣ, о пятисуточной жизни отряда на его вершинѣ, о ночномъ дѣлѣ 22-го декабря и штурмѣ Орлинаго-Гнѣзда 26-го. И вотъ у насъ неожиданно составился даже литературный вечеръ въ своемъ родѣ.

2-го января 1878 года за мною прислали отъ генерала Карцова съ приглашеніемъ явиться немедленно. Являюсь, и кого же вижу? Своего прежняго любимаго начальника, Дмитрія Ивановича Скобелева 1-го. Онъ меня встрѣтилъ словами: „Ну, Грековъ, здравствуйте! Готовы къ походу“?—Хоть сейчасъ, ваше превосходительство, отвѣчаю ему.—„Да, впрочемъ, и спрашивать не зачѣмъ! Разумѣется готовы!“ любезно замѣтилъ Дмитрій Ивановичъ: „такъ вотъ что: завтра въ семь часовъ утра построитесь вдоль Филипповскаго шоссе и ждите меня, я хочу видѣть полкъ,—вѣдь онъ еще такъ недавно былъ въ моей дивизіи“.

На буланомъ своемъ кабардинцѣ 3-го числа подѣхалъ

къ нашему фронту генераль Скобелевъ, поздоровался съ людьми и велѣлъ командовать справа по шести. Пропустивъ всѣ сотни, подозвалъ меня и поблагодарилъ за полкъ, замѣтивъ, что люди имѣютъ бравый видъ и лошади въ очень хорошемъ состояніи, и велѣлъ отдать объ этомъ въ приказѣ.

Прошли мы деревню Бани, въ Малыхъ Балканахъ, носящую такое названіе, надо думать, отъ находящихся въ ней минеральныхъ источниковъ, а на ночлегъ въ деревнѣ Каратопракъ, гдѣ нашли много труповъ людскихъ и животныхъ, и догорающую церковь, гдѣ у турокъ были сложены большіе запасы, сожженные ими для того, чтобы не достались въ наши руки. Въ этой мѣстности ужъ и такъ было много снѣгу, а тутъ еще съ вечера поднялась, при значительной стужѣ, сильная метель. Поѣхалъ я повѣрять пикеты и еле добрался обратно: такъ и лѣзть въ глаза, чуть съ дороги не сбился. 4-го числа еще довольно рано пришли мы въ Филиппополь и воображали, что входимъ первые, раньше всѣхъ, но оказалось, что генераль Гурко уже здѣсь. Городъ расположенъ по правую сторону рѣки Марицы, а съ лѣвой стороны большое предмѣстье; посрединѣ города на огромной скалѣ цитадель. Вообще городъ очень хорошій; есть большіе дома, но улицы и здѣсь ужасно узки. Предмѣстье съ городомъ соединялось большимъ каменнымъ мостомъ, который турки разрушили предъ приходомъ русскихъ, и совершенно напрасно: подъ Филиппополемъ рѣка хотя и широка и быстра, но не глубока, такъ что можно перейти ее въ бродъ не только конницѣ, но и пѣхотѣ, что мы безпрепятственно и исполнили 5-го числа рано утромъ и, пройдя черезъ городъ, двинулись по Адрианопольскому шоссе. На третьей верстѣ встрѣчаются намъ раненые, а вскорѣ затѣмъ повстрѣчался казачій генераль Красновъ, который сообщилъ, что имѣлъ ночное дѣло и отбилъ у непріятеля восемнадцать орудій, перерѣзавъ путь отступленія Сулеймановой арміи. Во время его разсказа, вправо отъ насъ, въ направленіи къ Родопскимъ горамъ, слышались, одинъ за другимъ, два пушечные выстрѣла. „Вотъ они, проклятые, опять начинаютъ!“—замѣтилъ Красновъ и, обращаясь къ генералу Скобелеву, прибавилъ:—

„идите, генераль, скорѣе, — кавалерія нужна“. Подоидя къ ближайшей деревнѣ, мы увидѣли, что пѣхота и артиллерія генерала Дандевилля спѣшать къ горамъ. Оба генерала, Скобелевъ и Дандевиль, поѣхали тоже вправо и стали на большомъ курганѣ, съ котораго далеко была видна вся мѣстность. Сейчасъ же двѣ мои сотни, 2-ю и 6-ю, послали впередъ, приказавъ имъ разсыпать наѣздниковъ. Здѣсь моимъ казакамъ пришлось не безъ труда. Артиллерійская стрѣльба далеко вправо отъ насъ положительно сбивала съ толку — кто же тамъ наконецъ, наши или турки? Судя по всѣмъ предшествовавшимъ распоряженіямъ, то долженъ былъ быть графъ Шуваловъ. Для убѣжденія въ вѣрности такого заключенія Скобелевъ послалъ драгунскаго офицера съ двумя солдатами узнать — Шуваловъ ли; но прошло нѣсколько часовъ, а драгунскій офицеръ не вернулся; тогда послали съ шестью казаками моего полка хорунжаго Шаховскаго — очень толковый офицеръ, который черезъ два часа возвратился съ положительнымъ свѣдѣніемъ, что это войска графа Шувалова. Во время его поѣздки, у лошади одного изъ данныхъ ему казаковъ оторвало нижнюю губу осколкомъ гранаты. Не успѣлъ Шаховскій доложить, какъ присылаетъ есаулъ Галдинъ, старшій надъ 2-ю и 6-ю сотнями, сказать, что ему трудно держаться; огонь очень силенъ и черкесы наступаютъ. Скобелевъ велѣлъ передать Галдину, чтобы, не взирая на трудность, держался какъ можно стойче, такъ какъ иначе турки могутъ раздѣлить насъ съ графомъ Шуваловымъ, а дабы этого не случилось, то пусть Галдинъ съ цѣпью наѣздниковъ незамѣтно подвигается все право, для соединенія съ графомъ. Скобелевъ поручилъ мнѣ самому отвезти это приказаніе и распорядиться. Со мною поѣхали есаулы Поздѣвъ и Шаровъ. Въ то время какъ мы проѣзжали вдоль цѣпи, въ десяти шагахъ отъ насъ разорвалась граната, подъ самую лошадыю одного казака, и мы видѣли, какъ его буквально приподняло на воздухъ вмѣстѣ съ лошадыю отъ земли аршина на два и отбросило въ сторону. Двое другихъ казаковъ подняли раненаго; все лицо у него было въ крови, голова опустилась на грудь, а лошадь уже кончалась въ сильныхъ конвуль-

сіяхъ: ей оторвало переднія ноги. Тутъ я уже самолично убѣдился, что моимъ казакамъ дѣйствительно трудно и что на нихъ возложена большая, почти непосильная обязанность. Возвратившись, я передалъ мое мнѣніе генералу Скобелеву, и получилъ отъ него приказаніе взять остальные сотни моего полка и стать съ ними въ резервъ за 2-ю и 6-ю сотнями, которыя подвинутся къ деревнѣ Карадагачъ, съ тѣмъ, что если мнѣ представится удачный моментъ, то атаковать всѣмъ полкомъ непріятеля. Но такъ какъ двѣ сотни моего полка, посланныя въ разъѣздъ подъ начальствомъ Грузинова, еще не вернулись, то пришлось обождать ихъ около четверти часа. Вскорѣ по дорогѣ къ Филиппополю показалась кавалерія, идущая на рысяхъ; ближе я узналъ въ ней мои двѣ сотни, а впереди ихъ самого Грузинова, который подскакалъ ко мнѣ и отрапортовалъ, что въ разъѣздѣ ничего особеннаго не замѣтилъ.

Былъ тихій морозный день; паръ густымъ туманомъ подымался отъ лошадей, только что сдѣлавшихъ весьма значительную проѣздку, но въ сраженіяхъ некогда отдыхать; поэтому, не смотря на утомленіе сотенъ Грузинова, я сейчасъ же взялъ всѣ свои наличныя сотни и пошелъ съ ними на правый флангъ. Не могу приписать своей предусмотрительности, что повелъ полкъ справа по шести, а не во взводныхъ колоннахъ. Такъ случилось, но вышло хорошо, потому что мнѣ пришлось идти двѣ версты, подставляя свой флангъ непріятелю, который, видя это движеніе, тѣмъ не менѣе не осмѣлился меня атаковать, очевидно понимая, что я въ каждый моментъ могу встрѣтить развернутымъ фронтомъ, подавъ лишь краткую команду: „полкъ, во фронтъ“, но зато весь огонь своей артиллеріи противникъ обратилъ на мои сотни, которыя, однако, не потерпѣли никакого вреда, благодаря именно узкости своего фронта, вслѣдствіе чего постоянно случался или недолетъ, или перелетъ. Итакъ, сдѣлавъ первоначально неправильное построеніе (справа по шести вмѣсто взводныхъ колоннъ), я очутился въ положительномъ выигрышѣ. Иначе бы не въ одну, такъ въ другую колонну, а попалъ бы непріятельскій снарядъ. Изъ этого выводъ тотъ, что въ бою можно и не всегда безусловно при-

держиваться уставныхъ формъ, но примѣнять ту изъ нихъ, которая въ данную минуту и въ данномъ положеніи окажется наиболѣе пригодною. За то и жутко же было идти: когда снарядъ давалъ перелетъ, то пролеталъ такъ низко надъ головами, что невольно весь фронтъ нагибался къ сѣдламъ. А нужно было идти шагомъ.

Придя къ мѣсту назначенія, я поставилъ свои три сотни за кустарниками, находившимися позади сотенъ, бывшихъ въ цѣпи; турецкіе снаряды, направляемые очевидно безъ опредѣленной цѣли, ложились въ этихъ кустарникахъ, но намъ вреда не причиняли. Когда услышалъ я „ура“ и увидѣлъ движеніе своихъ передовыхъ сотенъ впередъ, то двинулся тоже за ними. Гвардейцы тутъ отбили двѣнадцать орудій, для которыхъ у непріятеля уже не было и снарядовъ; всего одно лишь орудіе было заряжено картечью, да и изъ того не успѣли выстрѣлить,—такъ оно и осталось. Послѣ плѣнные говорили намъ, что увидѣвъ кавалерію, ожидали отъ нея атаки и потому приготовили ей угощеніе. Это значить для меня приготовлялось. Непріятель полѣзъ на горы и бросился въ ущелье. Начальникъ штаба генераль Шильдеръ-Шульднеръ крикнулъ есалу Галдину: „Скачите и догоняйте!“ Но скакать въ ущельи, трудно доступномъ для коннаго движенія, возможно было только одному; поэтому генераль замѣтилъ: „Рысью, казачки!“ Есаулъ Галдинъ и сотникъ Кудинцовъ исполнили приказаніе и, несмотря на залпы непріятеля изъ за каменьевъ, уже въ ущельи отбили еще два горныхъ орудія. Здѣсь меня нашелъ вѣстовой казакъ, сообщившій, что генераль Скобелевъ требуетъ меня къ себѣ. Я отправился. Въ сраженіи обыкновенно почти ничего не замѣчаешь изъ мелочей окружающей тебя обстановки, а теперь, какъ поѣхалъ,—ужасный переѣздъ! Темнота, трупы людей и животныхъ на каждомъ шагу; лошадь наступитъ на человѣка, и всхрапнувъ, бросится въ сторону; подбитыя орудія, изломанныя каруцы (воловоы вozy болгарскіе) и тому подобные печальные слѣды побоища... Наконецъ-то выбрался я на чистое поле; подѣзжаю къ кургану, гдѣ стоялъ Скобелевъ, — его уже нѣтъ. Гдѣ генераль? Оказывается, поѣхалъ на позицію. Ну, ужъ я буду здѣсь ожидать его. Усталость ужасная, ѣсть

хочется: со вчерашняго дня только одинъ сухарь съедалъ. Нужно бы покурить, все же какъ будто голодь не такъ понимаетъ. Но только что я закурилъ, гляжу—и генераль приѣхалъ. Поблагодарилъ онъ меня за нынѣшніе труды и пригласилъ къ себѣ на квартиру въ ближайшую деревню, гдѣ предполагалась и ночевка нашему отряду. Тутъ же генераль приказалъ мнѣ собрать немедленно весь полкъ и объяснить, что получено чрезъ болгаръ свѣдѣніе, что самъ Сулейманъ съ сорока орудіями пошелъ на городъ Станимаку; поэтому кавалерія завтра на зарѣ выходитъ догонять его. Мнѣ тоже отвели въ какомъ-то хлѣву квартиру; смрадъ ужаснѣйшій. Пока всѣ сотни стянулись, было уже полночь,—значить отдыха мало. Бѣдныя лошади еще съ Карлова не разсѣдлываются.

6 января, рано утромъ, двѣ кавалерійскія бригады вытянулись паралельно Адрианопольскому шоссе, держась ближе къ Родопскимъ горамъ. Шли весь день. Великъ былъ этотъ переходъ и день холодный. Сдѣлали одинъ лишь привалъ у водяной мельницы. Тутъ мы пошли посмотреть, какъ рисъ обдѣлываютъ; оказалось, что очень просто: такъ же какъ и у насъ просо—толкутъ; рису здѣсь большіе запасы. Предъ вечеромъ у каждой деревни насъ встрѣчали выбѣгавшіе изъ кустовъ болгары съ криками: „баши-бузуки“! Но мы нигдѣ пока ихъ не видали. Вдругъ по нашей дорогѣ впереди вспыхнула деревня; сейчасъ же послали туда на рысяхъ два разѣзда,—одинъ подъ командой есаула Шарова, а другой—есаула Поздѣева. Шарову посчастливилось: онъ догналъ турецкую пѣхоту, конвоировавшую обозъ, и уничтожилъ ее, а обозъ доставилъ къ генералу. Въ этой же деревнѣ мы и заночевали, такъ какъ двигаться дальше было уже невозможно: лошади окончательно пристали и темнота сдѣлалась въ буквальномъ смыслѣ непроглядная. Мѣсяцъ въ эти дни съ вечера примеркалъ. Но не спалось нашему генералу; онъ уже съ полуночи поднялся и приказалъ готовиться къ выходу въ дальнѣйшій путь, такъ какъ болгары сказали, будто турки и орудія вотъ-вотъ, близко. Выступили мы еще ночью, но уже стало яснѣе: видно и дорогу, и смутныя очертанія окрестности. Какъ змѣя черною тесьмой извивался нашъ отрядъ

по бѣлому снѣгу ровной долины, лежащей между Малыми Балканами и Родопскими горами; тишина, — только снѣгъ скрипитъ подъ лошадиными копытами. Вдругъ впереди сразу засвѣтилось нѣсколько огоньковъ. — Вѣроятно, братушки овецъ стерегутъ. — „Нѣтъ, полковникъ, замѣтилъ ѣхавшій около меня Грузиновъ: — не братушки, а турецкія войска костры кладутъ“. Послали войсковаго старшину Антонова съ 3-ю сотней узнать. А тутъ уже — гляди, и совсѣмъ почти утро настало, сдѣлалось видно далеко. Тѣмъ часомъ Антоновъ прислалъ сказать, что орудія съ прикрытіемъ въ два баталіона выходятъ изъ деревни Караджиляръ. Генераль Скобелевъ сейчасъ же приказалъ мнѣ со всѣмъ полкомъ догнать, атаковать и взять орудія. Когда я рысью выскочилъ на возвышенность, съ которой можно было далеко видѣть, то замѣтилъ, что кромѣ колонны, выходящей изъ деревни Караджиляръ, идетъ еще и другая подъ горами, вправо отъ меня, по дорогѣ, ведущей къ одному и тому же ущелью въ Родопскія горы, и, насколько можно разглядѣть, въ этой послѣдней колоннѣ есть и пѣхота, и кавалерія; слѣдовательно, обѣ колонны имѣли пѣлью соединиться именно въ этомъ мѣстѣ; а потому, чтобы помѣшать имъ, послалъ я есаула Апостолова съ 4-ю сотней въ разѣздъ, войсковому старшинѣ Антонову приказалъ взять деревню Караджиляръ, а есаулу Кудинцеву — незамѣтно обойти правый лѣсокъ и броситься во флангъ правой колоннѣ.

Вскорѣ Антоновъ прислалъ сказать изъ-подъ Караджиляра, что вахмистръ его убитъ, а турки засѣли въ строеніяхъ, такъ что онъ съ одною сотней выбить ихъ не можетъ. Тогда, на помощь ему, послалъ я есаула Галдина съ 2-ю сотней. Вскорѣ подѣхалъ ко мнѣ нашъ временный начальникъ генераль-майоръ Чернозубовъ. Я отрапортовалъ ему о своихъ распоряженіяхъ и попросилъ послать къ деревнѣ Караджиляръ еще одинъ эскадронъ Казанскаго драгунскаго полка. Но этого не потребовалось, такъ какъ въ то же самое время подкакалъ казакъ и подаль генералу Чернозубову записку отъ Антонова, гдѣ онъ извѣщалъ, что отбилъ 25 орудій. Эту же записку отправили мы къ генералу Скобелеву, а чрезъ полчаса опять казакъ привозитъ новую записку, что отбито

еще 28 орудій и что непріятель рассчитываетъ скрыться въ горы, въ каковомъ направленіи наши казаки сильно его преслѣдуютъ. Тогда генераль Чернозубовъ приказаль взводу 19-й Донской батареи стрѣлять въ то ущелье, куда, какъ было намъ видно, желатель войти непріятель. Наша артиллерія нѣсколькими чрезвычайно мѣтками выстрѣлами навела, очевидно, тикой ужась, что непріятель полѣзь прямо на горы въ разсыпную.

Результаты этого боя: взято казаками 30-го полка 53 орудія, 200 плѣнныхъ, въ томъ числѣ два офицера и болѣе двадцати каруць съ патронами и снарядами, убито до 600 человекъ. Съ нашей стороны убитъ вахмистръ и семь лошадей. Два казака контужены.

Получивъ извѣщеніе объ успѣхѣ нашего дѣла, генераль Скобелевъ написаль мнѣ на позицію одну лишь, да зато хорошую строчку: „Исполать вамъ, мои добрые молодцы“!

„Похоронили ли вахмистра“?—спросиль я ѣхавшаго мимо казака.—„Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе; лежить здѣсь“, и онъ указаль на одинъ домъ, у котораго стояли родные станишники убитаго. Подѣхавъ туда, я слѣзь съ лошади, подошелъ и перекрестился: „Царство небесное тебѣ, храбрый товарищ“! Какъ было прекрасно его спокойное лицо: оно какъ будто улыбалось, какъ будто говорило: „мнѣ хорошо, хорошо“. Я приказаль снять съ его груди знакъвоеннаго ордена, который онъ уже имѣль раньше, и отправить его на память къ женѣ и дѣтямъ, а тѣло предать землѣ.

Затѣмъ, разставивъ пикеты вокругъ деревни, поѣхаль я на отведенную мнѣ квартиру въ болгарскомъ домѣ. Комната оказалась безъ окна и освѣщалась сквозь растворенную дверь, либо отъ огня, разложеннаго въ каминѣ. Принесли соломы, разложили возлѣ стѣны, и мы расположились на ней, считая это за величайшій комфортъ, ниспосланный намъ судьбою. 8-го числа, т.-е. на другой день, съ пикета прискакаль казакъ съ донесеніемъ, что черкесы наступаютъ съ горъ. Поднялась тревога. Оказалось, что, дѣйствительно, партія черкесовъ спустилась съ горъ и вздумала потревожить пикетъ, но имъ не удалось: изъ главной заставы подоспѣли нѣсколько казаковъ и заставили ихъ отступить, въ особенности послѣ

того, какъ черкесы замѣтили, что изъ деревни выскочили двѣ сотни. 8-го же числа уѣхалъ и генераль Скобелевъ съ начальникомъ штаба, подполковникомъ Сухомлиновымъ, въ Адрианополь. Наша же бригада осталась въ Караджилярѣ совершенно на отдыхъ, да намъ и невозможно было двигаться дальше для преслѣдованія разбитаго непріятеля, за отсутствіемъ патроновъ, коихъ оставалось у казаковъ круглымъ числомъ по пятнадцати штукъ на человѣка, а у драгуновъ по двадцати; съ такимъ запасомъ идти въ горы было болѣе чѣмъ рисковано. Поэтому генераль Чернозубовъ распорядился послать за патронами въ городъ Станимаки, гдѣ, какъ мы рассчитывали, долженъ былъ находиться паркъ. Пришлось прождать нѣсколько дней. Или мы уже такъ привыкли къ безпрестанному движенію, только стоять и ждать безъ дѣла на одномъ мѣстѣ показалось намъ очень скучнымъ и досаднымъ дѣломъ. А будь патроны своевременно—какъ знать, быть можетъ Сулейманъ-паша не удалось бы довести до берега моря даже и остатковъ своей арміи.

19-го января было получено строгое приказаніе генерала Гурко немедленно двигаться всей бригадой по Родопскимъ горамъ на деревню Карамуллу, черезъ рѣку Арду, и въ городъ Гюмурджину, что близъ Эгейскаго моря; а въ концѣ сего предписанія было сказано генералу Чернозубову такъ: „Ваша бригада имѣть будетъ цѣль партизанскаго отряда для преслѣдованія арміи Сулеймана и для очищенія Родопскихъ горъ отъ партій баши-бузуковъ и тѣхъ партій, которыя могутъ составляться изъ остальныхъ частей арміи Сулеймана“. Генераль Чернозубовъ позвалъ меня къ себѣ и сейчасъ же приказалъ отправить офицера съ пятнадцатью казаками на деревню Карамуллу, куда ожидалось прибытіе и подполковника Сухомлинова, который опять назначается къ намъ за начальника штаба, чему я, со своей стороны, очень обрадовался. Выступленіе бригады назначено на другой день утромъ. Придя на квартиру, я въ ту же минуту сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ пятнадцатью казаками отправлялся въ Карамуллу есаулъ Поцѣлуевъ. Это офицеръ очень надежный и смѣлый, показавшій себя съ наилучшей стороны еще на Траяновомъ перевалѣ, гдѣ подъ нимъ ранена лошадь.

Полку же вслѣдъ велѣлъ я быстро приготовиться къ походу, и походу очень рискованному, потому что мы были отдѣлены отъ всей арміи болѣе чѣмъ на двѣсти верстъ.

Въ шесть часовъ утра полкъ собрался за деревней. Подоровавшись съ людьми, я имъ сказалъ: „Усталыхъ лошадей и слабыхъ людей не признаю; обозовъ у насъ нѣтъ, надѣяться не на что; стало быть постарайтесь, станичники, удовлетворить этимъ требованіямъ, потому что это зависить отъ васъ же самихъ: кто будетъ себя беречь—не заболѣеть, а кто за своею лошадыю слѣдить, у того она никогда не станетъ“. Разумѣется, отвѣтъ:—„Постараемся, ваше высокоблагородіе!“ Ужъ не знаю, вслѣдствіе ли моихъ словъ, или благодаря счастливой случайности, только отсталыхъ у меня въ этой экспедиціи не было.

Итакъ, мы выступили.

Опять горы, опять ущелья, опять обрывы... Снѣгъ началъ таять и смѣшался съ грязью; дорога была ужасна и къ тому же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загромождена брошеннымъ непріятельскимъ обозомъ. На десятой верстѣ догналъ меня казакъ отъ генерала Чернозубова и передалъ, что драгуны пошли въ обходъ горъ, а потому предлагается и мнѣ, буде угодно, идти тѣмъ же путемъ. Но я предпочелъ продолжать дальнѣйшее движеніе своею дорогой черезъ горы, потому что возвратный путь по пройденнымъ уже обрывамъ, спускамъ и подъемамъ заставилъ бы насъ только потерять время и все равно принесъ бы людямъ и конямъ только лишній трудъ и утомленіе.

Не доходя деревни Карамуллы, насъ встрѣтили болгары и предупредили, что у нихъ въ деревнѣ турки и что нашъ вчерашній разъѣздъ имѣлъ съ ними перестрѣлку. Я приказалъ полку подтянуть подпруги и распорядился, чтобы 1-я и 2-я сотни двинулись впередъ, выславъ разъѣзды вправо и влѣво вокругъ деревни. Сотни рысью подвинулись впередъ, приготовивъ ружья. И лихо влетѣли въ деревню, но не нашли тамъ ни турокъ, ни нашего разъѣзда. Оказалось, что вчера, когда нашъ разъѣздъ, въѣхавъ въ деревню, расположился бивуакомъ, турки, въ числѣ до тысячи человекъ, напали на него съ трехъ сторонъ съ такою внезапностью, что разъѣздъ

едва успѣлъ отступить вдоль по ущелью, въ направленіи къ Ханкію, потерявъ одну лошадь убитою, приче́мъ съ нею даже и сѣдла не успѣли снять. Командовавшій этимъ разѣздомъ есауль Поцѣлуевъ, зная, что изъ Адріанополя долженъ ѣхать на Карамуллы подполковникъ Сухомлиновъ и предположивъ, что онъ поѣдетъ, вѣроятно, не одинъ, двинулся ему на встрѣчу, въ надеждѣ найти у него подкрѣпленіе своему разѣзду. Но, увя! оказалось, что хотя у Сухомлинова и были казаки, да все изъ слабосильной команды. У насъ весь вечеръ былъ смѣхъ по поводу того, что Сухомлиновъ изображалъ резервъ Поцѣлуева. На другой только день, утромъ, пришли къ намъ драгуны, а съ ними и генераль Чернозубовъ. Значить, я во всякомъ случаѣ значительно выгадалъ во времени (а стало быть и въ отдыхѣ людямъ и конямъ), предпочтя свой путь горами обходной драгунской дорогѣ. По прибытіи начальства, полъ дня прошло у насъ въ томъ, что распредѣляли очередь между нами и драгунами и назначали пункты, составлявшіе цѣль дальнѣйшихъ движеній. Здѣсь мнѣ понадобилось отправить въ Адріанополь офицера съ необходимыми по начальству бумагами. Ветеринарный врачъ Котлубай охотно вызвался исполнить это порученіе, тѣмъ болѣе, что въ Адріанополѣ ему можно было достать и медикаментовъ, безъ которыхъ его присутствіе при полку для больныхъ лошадей было бы бесполезно. Кстати, я поручилъ ему развѣдать тамъ, въ штабѣ, насколько справедливы дошедшіе до насъ слухи, будто перемиріе уже заключено. На другой день бригада девятиряднаго состава вытянулась въ одинъ конь по Родопскимъ горамъ. Эту мѣстность называютъ Черною Болгаріей, и дѣйствительно, общій видъ, общее впечатлѣніе природы, даже фізіономіи и самые костюмы жителей,—все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ такому названію: все это какое-то черное, даже какъ будто страхъ наводящее. Далеко влѣво отъ насъ виднѣлась долина рѣки Марицы.

Мѣстность эта въ Родопскихъ горахъ имѣетъ довольно частое и преимущественно магометанское населеніе, живущее болѣе по отдѣльнымъ кулибамъ, чѣмъ сплоченными деревнями. Во время нашего движенія, разумѣется, вездѣ

было пусто: жители бѣжали, захватывая съ собою домашній скарбъ; болгары же изъ мести жгли ихъ кулибы и деревушки. Наши боковые разѣзды имѣли частыя перестрѣлки съ баши-бузуками и бѣглецами. Братушки присоединялись къ намъ въ каждой деревнѣ. На крутомъ спускѣ одной изъ высокихъ горъ предъ нами отрылась далеко внизу довольно узкая долина рѣки Арды, текущей въ песчаныхъ берегахъ. По долинѣ виднѣлись уже не кулибы, а частыя, большія и, судя на взглядъ съ птичьяго полета, хорошія селенія, раскинутыя въ довольно близкомъ между собою сосѣдствѣ. Одно изъ нихъ, у подошвы нашего спуска, скорѣе можно назвать даже мѣстечкомъ или городкомъ, не покинутымъ его обитателями, которые, вѣроятно, насъ не ожидали, потому что ужасно засуетились, забѣгали; даже начали стрѣлять по головной части нашего отряда. Селеніе, разумѣется, сейчасъ же было окружено, и наши никого оттуда не выпустили, а тѣхъ, кто думалъ было ускакать, догнали казаки. На утро дальнѣйшій походъ, и здѣсь что за прелестныя мѣста!.. Мы не послушались нашего проводника турка и думали было прямо переправиться черезъ Арду; но 4-я сотня, шедшая въ авангардѣ, еле смогла перейти рѣку: ужасно быстрое теченіе, иловатый наносный грунтъ и значительно высокій уровень воды, вслѣдствіе таянія горныхъ снѣговъ. Трудно было держаться противъ теченія, и потому многимъ изъ казаковъ пришлось противъ воли искупаться; видя это, генераль Чернозубовъ не захотѣлъ дольше переправляться здѣсь, а повернулъ весь остальной отрядъ къ тому мѣсту, на которое указывалъ проводникъ, и гдѣ, однако же, переправа совершилась хотя и благополучно, но съ не меньшимъ трудомъ и опасностью. На этомъ берегу Арды по деревнямъ видны были жители, и уже самое ихъ присутствіе свидѣтельствовало, что у нихъ и въ помыслахъ не было даже предположенія, чтобы русскіе рискнули перерѣзать и Родопскія горы. Они смотрѣли на насъ со страхомъ и удивленіемъ и при встрѣчѣ объявляли съ поклонами: „миръ, миръ, каардашъ“ (то-есть пріятель); но мы не могли этому вѣрить и все двигались дальше и дальше. Здѣсь узнали мы, что наши Кубанцы, подъ командой генерала

Черевина, прошли внизъ по Ардѣ на Адрианополь, слѣдовательно они перерѣзали намъ путь, и такимъ образомъ Родопскія горы были пройдены русскими летучими отрядами буквально вдоль и поперекъ или накрестъ. Переправились мы черезъ рѣку Бургась, а тамъ не далеко и городъ Местанлы, который скорѣе можно назвать деревней, нежели городомъ; только одинъ конакъ, или домъ, гдѣ собираются городскія власти для разрѣшенія разныхъ общественныхъ вопросовъ, и придаетъ этой деревнѣ значеніе города. Возлѣ конака встрѣтили насъ почтенные сѣдобородые турки, но властей не было,—бѣжали, а съ ними и казначей съ городскими деньгами, какъ сообщилъ одинъ изъ турокъ по секрету. Генераль Чернозубовъ приказалъ сейчасъ же догнать казначея, и такъ какъ отрядъ еще стоялъ вытянувшись по дорогѣ, то я приказалъ есаулу Галдину сейчасъ же отобрать изъ его сотни пятьдесятъ наиболѣе выносливыхъ доброконныхъ молодцовъ и исполнить порученіе генерала—доставить казначея не иначе какъ съ деньгами. Галдинъ сію же минуту двинулся въ путь, и на двадцатой верстѣ (это туда и обратно сорокъ, да раньше пройденныхъ пятьдесятъ верстѣ) догналъ бѣглеца и доставилъ его въ цѣлости съ пятьюдесятью тысячами каиме, турецкихъ кредитныхъ денегъ, которыя на другой же день генераль отправилъ съ офицеромъ въ штабъ арміи, а оттуда впослѣдствіи, какъ я слышалъ, ихъ отправили въ Константинополь, къ турецкому правительству, такъ какъ мы ихъ взяли уже по заключеніи перемирія.

Квартира наша въ Местанлы оказалась очень недурною. Казакъ, подавая намъ закусить, сообщилъ, что въ нашемъ же дворѣ, но только въ другомъ домѣ, „хоронится“ турецкій офицеръ.—„Идемте, господа!“ Начали стучаться — не отпираютъ: мы чрезъ запертую дверь стали убѣждать, что ничего не сдѣлаемъ дурнаго. Тамъ оказалась въ качествѣ служанки какая-то болгарка, которая, вѣроятно, перевела наши слова, послѣ чего вскорѣ дверь отворилась и на насъ пахнуло изнутри спертымъ воздухомъ. Входимъ, на полу валяется какое-то тряпье, лохмотья... Тутъ же полуразрушенная кровать; на ней сидитъ женщина, испуганно прижавъ къ себѣ

двоихъ малютокъ, а возлѣ нея стоитъ мужчина въ турецкомъ офицерскомъ костюмѣ; лицо довольно красивое, блѣдное, съ окладистою бородой и съ голубыми глазами. Какъ видно, онъ тоже испугался и пробормоталъ несвязную фразу по-французски, но не французскимъ акцентомъ. Оказалось, что онъ въ Сулеймановой арміи служилъ докторомъ; самъ же родомъ итальянецъ; при отступленіи арміи заболѣлъ, а потому и отсталъ; жаловался на турецкое правительство, говоря, что сулило оно много, а на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, оставило не причемъ, ибо въ теченіе всей кампаніи не выдавало ему никакого содержанія; жаловался также и на солдатъ, потерявшихъ всякое уваженіе къ офицерскому званію, и даже до такой степени, что самаго его, напримѣръ, избили по лицу. Женщина и ребятишки, видя, что мы не кусаемся, а напротивъ того, разговариваемъ съ турецкимъ докторомъ очень дружелюбно, малу-по-малу пріободрились и выраженіе тупаго страха исчезло съ ихъ физиономій. Кто-то изъ нашихъ обратилъ на нихъ вниманіе, и докторъ заявилъ намъ при семъ, что это его жена и дѣти. Зачѣмъ ужъ онъ и этихъ несчастныхъ таскалъ за собою—не понимаю. Но какъ доволенъ и радъ былъ бѣднякъ, что „сѣверные варвары“ обошлись съ нимъ совсѣмъ хорошо, по чело-вѣчески, даже помощь кое-какую оказали. Въ благодарность полетѣлъ онъ добывать намъ розоваго масла и далъ каждому по маленькому пузырьку, въ которыхъ, впрочемъ, какъ оказалось послѣ, было деревянное масло, приправленное одною каплей розоваго для запаха. Это, впрочемъ, обычный предметъ мелкаго торговаго надувательства на Востокѣ, въ каковомъ упражняются греки и армяне, обманывая до-вѣрчивыхъ европейцевъ.

— Ваше высокоблагородіе, казакъ Кузнецовъ пріѣхалъ изъ Адрианополя,—доложилъ вѣстовой.

— Зови.

Вошелъ казакъ и подаль записку отъ ветеринарнаго врача Котлубая, гдѣ тотъ извѣщаетъ, что перемиріе дѣйствительно заключено.

— Ура, господа!—крикнулъ я, и мой возгласъ подхватили лежавшіе на соломѣ офицеры. Извѣстіе это было хотя

и частное, но я все-таки на радостях велѣлъ позвать тру-
бачей проиграть „Боже, Царя храни!“ Такимъ образомъ Ро-
допскія горы, вѣроятно впервые отъ созданія міра, огласи-
лись звуками русскаго народнаго гимна и криками русскаго
ура. Славу Богу, кончается наша трудная жизнь! Но... все-
таки до полученія того же извѣстія оффиціальнымъ путемъ
мы не имѣли права останавливать дальнѣйшее свое движе-
ніе и потому на утро тронулись въ походъ подъ Гю-
муджину.

Все выше и выше поднимались мы на горы, извѣстныя
у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Старыхъ Балканъ. Ихъ
подъемы, обрывы и ущелья не уступятъ Новымъ Балканамъ.
Еще не доходя до одной деревни (не помню уже теперь
названія), населенной помаками, насъ застала вечерняя
темнота, такъ что мы рѣшились въ этой деревнѣ и заноче-
вать. Деревня сидѣла въ какой-то котловинѣ, какъ будто ее
кто вдавилъ туда. Размѣстивъ полкъ, я пошелъ на свою
квартиру, гдѣ хозяинъ оказался очень любезнымъ человѣ-
комъ, хоть сначала въ качествѣ помака и косился на насъ
нѣсколько злобно. Затопили очагъ, и я съ Сухомлиновымъ
легли на лавкахъ въ ожиданіи чая, приготовленіемъ кото-
раго специально занялся есауль Шаровъ, все приглядывав-
шійся при каждой вспышкѣ сыроватыхъ дровъ, чтобы не
попала въ чайникъ какая-нибудь турецкая козявка. Возлѣ
него, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ есауль Поцѣлуевъ.
Не помню, что именно послужило поводомъ къ очень зани-
мательному и полному романическаго интереса разсказу,
который началъ Сухомлиновъ, лежа съ закинутыми за го-
лову руками. Этотъ разсказъ, полный живой фантазіи и
вдобавокъ передаваемый такъ изящно и искусно, въ про-
стой разговорной формѣ, овладѣлъ и воображеніемъ, и чув-
ствомъ слушателей и увлекательно переносилъ и то, и дру-
гое къ картинамъ и быту далекой родины, къ аллеямъ и
паркамъ Варшавы, къ салонамъ Петербурга... И гдѣ, въ
какой обстановкѣ, подумаешь, такъ заносились мы своими
мечтами. На земляномъ полу убогой помацкой лачуги, въ
какой-то трущобѣ дикихъ Родопскихъ горъ. Казалось бы
обстановка для такихъ увлекательныхъ фантазій и вовсе не

подходящая, и вот поди-жь ты! Теперь, какъ вспоминаю я этотъ разсказъ и ту убогую хижину, и угрюмое лицо хозяина-помака, для меня вся эта обстановка, именно въ связи съ тѣмъ разсказомъ, получаетъ какую-со особенную прелесть.

На другой день, тронувшись съ мѣста, мы утѣшали себя упованіемъ, что дѣлаемъ уже послѣдній переходъ, съ окончаніемъ коего, прорѣзавъ съ сѣвера на югъ всѣ Родопскія горы, спустимся на роковой берегъ Эгейскаго моря. Въ этотъ переходъ приходилось намъ много нагонять и перегонять отсталыхъ солдатъ Сулеймановой арміи, слѣдовательно мы, такъ сказать, сидѣли на хвостѣ отступающаго непріятеля. Дорога, безъ преувеличенія можно сказать, была устлана трупами замерзшихъ лошадей и людей. Вотъ поднялись мы на наивысшую точку одной изъ наиболѣе значительныхъ вершинъ. Ни кустика, ни деревца, все пустынно, молчаливо, мертво и сплошь засыпано снѣгомъ. Здѣсь отряду позволили немножко отдохнуть, чтобы дать время подтянуться отсталымъ. „Посмотри, какъ это хорошо!“—съ увлеченіемъ сказалъ мнѣ Сухомлиновъ, поведя рукой на окружавшее насъ пространство. И дѣйствительно, картина была поразительная, полная красоты и величія. Впереди земля и небо сливались въ одно безконечное пространство, заволонкутое молочно-бѣлою туманною дымкой, сквозь которую просвѣчивало багряное зарево восходящаго солнца; позади же являлась совсѣмъ другая картина: все пространство, пройденное нами отъ Марицы, было видно какъ на ладони; весь нашъ путь, всѣ эти горы, лоцины, рѣчки, лѣса и притаившіяся деревни воочию предстали передъ нами сразу какъ на планѣ, мы глядѣли на нихъ съ нашей вершины, словно бы съ высоты птичьяго полета. А тамъ, далеко, далеко позади, можно разглядѣть ужъ съ помощью бинокля и еще другія синія горы и на ихъ верхушкахъ бѣлыя снѣговья пятна,—то виднѣются Великіе Балканы со своими страшными Шипками, Траянами, Мара-Гайдуками,.. Во всю жизнь не забуду эту дивную картину, да едва ли и придется видѣть еще гдѣ и когда-нибудь нѣчто подобное!.. Съ этой высоты начался нашъ спускъ по дорогѣ, ведущей

сквозь ущелье въ городъ Гюмурджину. Дорога довольно порядочная, хотя каменистая. На послѣднемъ изъ уступовъ спуска подѣхали посмотрѣть укрѣпленія: ничего себѣ, довольно серьезныя. Когда же спустились въ долину, то тутъ насъ встрѣтила совсѣмъ уже весна: зелень въ садахъ, зелень на поляхъ, солнечный блескъ, тепло животворящее, щебетанье пташекъ, цвѣты какіе-то... роскошь, да и только!.. Въ окрестностяхъ города Гюмурджины разбросано много табачныхъ и огородныхъ плантацій; виднѣются тамъ и сямъ бѣлыя стѣны и черепичныя кровли укромныхъ чифтликъ (турецкихъ хуторовъ). На дворѣ январь мѣсяць, а тутъ, въ огородахъ на грядахъ, торчатъ уже довольно порядочные кочни капусты, кустаня артишоки... А у насъ на матушкѣ Руси всеми такими вкусностями еще когда-то да когда будутъ лакомиться!.. Не доходя двухъ верстъ до города, отрядъ былъ остановленъ генераломъ Чернозубовымъ, и Сухомлиновъ съ двумя казаками поѣхалъ въ городъ, съ цѣлю предупредить каймакама о вступленіи русскаго отряда и чтобы жители не беспокоились. Нужно замѣтить, что находившійся при отрядѣ переводчикъ слышалъ отъ проходящихъ турокъ, что въ Гюмурджинѣ находятся до тысячи человѣкъ турецкаго низама. Пока мы стоимъ себѣ да ожидаемъ, вдругъ глядь-поглядь—что за суматоха поднялась въ городѣ, скачка на лошадахъ какая-то, даже выстрѣлы. Думаю себѣ: „Ну, попался бѣдный Сухомлиновъ!.. Что какъ ему плохо тепѣрь приходится?.. Впередъ идти бы, на выручку“... Генераль, видя въ городѣ это необыкновенное движеніе, приказалъ на всякій случай посмотрѣть винтовки,—какъ бы часомъ не пришлось еще подраться и близъ моря. Но вотъ скачетъ отъ Сухомлинова казакъ съ запиской, въ которой тотъ приглашаетъ отрядъ вступать въ городъ. Мы тронулись, и вскорѣ замѣтили, что на встрѣчу намъ валить какая-то толпа пѣшихъ и конныхъ людей; только толпа не военная. То были жители Гюмурджины, большею частью греки. Впереди этой толпы красовался въ сѣдлѣ самъ каймакамъ, полковникъ турецкй службы, а съ нимъ и архіерей греческй, Иеронимъ. Оба они верхами подсакали къ генералу и изъявивъ свои привѣтствія чрезъ переводчика, при-

гласили войти въ городъ, гдѣ у нихъ-де уже сдѣлано распоряженіе объ отводѣ для отряда удобныхъ квартиръ. И вызвалъ вперёдъ хоръ трубачей своего полка (а надо замѣтить, что въ 30-мъ Донскомъ полку были тогда прекрасно обученные музыканты), и все время, что мы шли по улицамъ, наша музыка наигрывала веселые марши. Наше появленіе было такъ неожиданно, что мы застали всю городскую жизнь въ ея завсегдашнемъ видѣ, во всѣхъ ея ежедневныхъ проявленіяхъ. На пути намъ встрѣтились огромныя галлерей, наполненныя рядами маленькихъ мелочныхъ лавченокъ. Торговцы—почти исключительно все греки; но есть и евреи, которыхъ сейчасъ же узнаешь по пейсамъ и характерному семитическому типу лица, хотя здѣшній израиль и облекается въ турецкій костюмъ. Турки здѣсь почти вовсе не занимаются торговлей; по крайней мѣрѣ, глядя на юркихъ грековъ и евреевъ, которые такъ и кишатъ въ своихъ лавченкахъ, и сравнивая съ ними сидящихъ тутъ же рядомъ купцовъ турецкаго происхожденія, въ моемъ умѣ, при видѣ послѣднихъ, все не вяжется съ ними представленіе о торговой дѣятельности. Купцы-турки какъ засядутъ съ утра, такъ и сидятъ себѣ до конца торга на землѣ съ поджатыми подъ себя ногами и сидятъ почти неподвижно, пуская ароматный дымъ изъ длинныхъ чубуковъ своихъ курительныхъ трубокъ и созерцая какими-то сонными глазами свой товаръ, разложенный передъ ними тутъ же на землѣ. Этотъ товаръ обыкновенно является въ видѣ какихъ нибудь десяти пачекъ табаку или нѣсколькихъ коробочекъ спичекъ и трута, или же въ видѣ двухъ-трехъ печеныхъ хлѣбовъ, толченой горчицы, яицъ да соли,—въ этомъ и вся турецкая торговля, по крайней мѣрѣ я лично ничего другаго у купцовъ-турокъ не замѣтилъ.

Полицейскіе усиленно хлопотали о нашихъ квартирахъ; въ особенности одинъ изъ нихъ много кричалъ и махалъ руками, видимо желая показать свое усердіе. Вообще все это со стороны турецкихъ заптіевъ было очень добродушно и,—что вы хотите,—но рѣшительно ни малѣйшей злобы или ненависти противъ насъ, гяуровъ, не выражали ихъ фізіономіи. А ужъ чего бы кажется!.. Эскадроны и сотни,

не разбивая, размѣстили мы по отдѣльнымъ дворамъ, что было очень удобно на случай тревоги и быстрого сбора. У каждого двора поставлены подчасочные. Генералу отвели квартиру въ великолѣпномъ домѣ богатаго грека, а мнѣ съ Сухомлиновымъ—у архіерея Иеронима, черезъ два дома отъ генерала. Архіерей оказался очень пріятнымъ, любезнымъ и образованнымъ человѣкомъ; живетъ очень богато и подарилъ намъ на память свои фотографическія карточки. Окна нашей квартиры выходили на городскую площадь, гдѣ вечеромъ играла наша музыка и пѣли пѣсенники.

Въ Гюмюрджинѣ было получено нами свѣдѣніе, что Сулейманъ-паша сажаетъ свою армію на пароходы въ Карагачѣ, это всего въ пятнадцать верстахъ отъ Гюмюрджина, а у насъ хотя и музыка, и пѣсни, тѣмъ не менѣе мы всетаки щетинились на всякій случай и для пущей безопасности поставили вокругъ города свои пикеты. Были получены также и телеграммы отъ турецкаго правительства, въ коихъ оно увѣдомляло насъ, что перемиріе уже заключено и что поэтому намъ приказываютъ очистить городъ. На это подполковникъ Сухомлиновъ отвѣчалъ, что русскіе военачальники привыкли получать приказанія только отъ своего правительства или начальства, въ каковыхъ случаяхъ и исполняютъ ихъ безусловно. На слѣдующее утро моего полка урядникъ, изъ дворянъ, Иловайскій, препроводилъ къ намъ турецкаго генерала Скендеръ-пашу; этотъ генералъ съ аршинными усами (какъ оказалось, родомъ венгерець) пріѣхалъ къ намъ со своимъ конвоемъ изъ десяти человѣкъ и довольно нахальнымъ тономъ заявилъ, что желаетъ видѣть начальника штаба нашего отряда и потому требуетъ его къ себѣ. Въ отвѣтъ на это „требованіе“ его проводили къ Сухомлинову, который его и принялъ, разумѣется, вѣжливо.

— Вы знаете, что вы окружены нашими войсками, и если не отступите, то вамъ будетъ плохо,—гордо обратился къ нему паша по-французски.

— Не знаю, окружены ли мы,—отвѣтилъ тотъ съ полнымъ спокойствіемъ;—а вотъ то, что вы въ такомъ случаѣ нашъ военноплѣнный—это я вижу, потому что ваше превосходи-

тельство находитесь здѣсь среди русскаго отряда лишь со своимидесятью конвойными.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ драться,—сфорсиль венгерць.

— Что жъ, и прекрасно. Мы не прочь,—согласился Сухомлиновъ:—мы дрались уже съ турецкими войсками на Дунаѣ, дрались и до Балканъ, и на Балканахъ и за Балканами; отчего же не подрасться и на берегу моря, если придется?!

Паша, очевидно, думаль было запугать Сухомлинова, но ошибся въ расчетѣ—не на того напалъ, и получивъ достойный отпоръ, сдѣланный ему вполнѣ вѣжливо и спокойно, но не безъ ядовитости, вдругъ, къ удивленію нашему, разомъ перемѣнилъ тонъ, сталъ очень мягокъ, любезень и разговорчивъ и просиль проводить его къ нашему генералу. У генерала Чернозубова это былъ совсѣмъ уже шелковый челоувѣкъ. и когда наша музыка зайграла вдругъ подь окнами кадрили изъ „Анго“, то Скендеръ-паша, увлекшись звуками и потому впавъ отчасти въ легкое забытье, началъ даже выбивать тактъ ногой. Глядя на это, мы только кусали себѣ губы, чтобы не разсмѣяться. Во время этого музыкальнаго наслажденія, въ комнату вошелъ Бугскаго уланскаго полка поручикъ Бакунинъ и подалъ генералу Чернозубову запечатанный пакетъ, поздравивъ его на словахъ съ перемиріемъ. Слава Богу! теперь уже нѣтъ сомнѣнія. Въ привезенной же бумагѣ заключалось приказаніе нашей бригадѣ вернуться изъ Гюмурджины и расположиться по деревнямъ вдоль рѣки Арды, т. е. занять демаркаціонную линію.

На другой, кажется, день, подполковникъ Сухомлиновъ долженъ былъ ѣхать съ докладомъ прямо въ Адрианополь, въ главную квартиру. Пользуясь перемиріемъ, отпросился у генерала и я въ отпускъ туда же, такъ какъ мнѣ была надобность видѣть походнаго атамана по дѣламъ, касающимся полка. Поручивъ временное командованіе полкомъ войсковому старшинѣ Грузинову, я вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ выѣхаль изъ Гюмурджины утромъ, но уже по новой дорогѣ, по маршруту на портъ Деде-Агачъ, занятый отрядомъ генерала Карцова. Въ видѣ конвоя, насъ сопровождали пятнадцать казаковъ. Дорога шла все время по берегу моря—

Здѣсь совсѣмъ уже другія села, то есть по внѣшности, пожалуй, и похожія на видѣнные нами прежде, но тѣ большею частію были разоренныя, а эти удѣлѣли вполнѣ и процвѣтали всею прелестью своей обычной жизни на берегахъ дивнаго моря, подѣ дыханіемъ роскошной южной весны. Жители этихъ селеній уже знали о заключенномъ перемиріи и потому съ полнымъ спокойствіемъ предавались въ садахъ и на поляхъ своимъ обычнымъ весеннимъ работамъ. При выѣздѣ изъ Гюмурджинны намъ пришлось ѣхать цѣлою улицей турецкихъ бѣгунцовъ, уходившихъ въ виду появленія русскихъ войскъ еще отъ самыхъ Балканъ. Эти несчастные сами намъ рассказывали съ горькими сѣтованіями, что строгій приказъ о поголовномъ бѣгствѣ всѣхъ жителей мусульманъ былъ отданъ Сулейманъ-пашей, и что ихъ заставляли бѣжать большею частію насильно, а кто не хотѣлъ подчиняться этому требованію, того имущество почти всегда разорялось турецкими же солдатами. Этихъ бѣгунцовъ насчитывали въ одной лишь Гюмурджинѣ до пятидесяти тысячъ душъ, и какъ злобно они на насъ посматривали, а впоследствии они же работали въ Родопскихъ возстаніяхъ. Подѣзжая къ Деде-Агачу, намъ пришлось ѣхать варствъ пятнадцать буквально по мраморной дорогѣ. Вообще прибрежныя горы и скалы здѣсь весьма богаты мраморомъ. Спустились мы въ какое-то ущелье, гдѣ меня заинтересовали громадныя дуплистыя и развѣсистыя деревья. Турокъ, провожавшій насъ, называлъ ихъ „карагачъ“ (платанъ, чинарь) и при этомъ прибавилъ, что такъ какъ карагачей въ этой мѣстности осталось уже немного, то ихъ запрещено рубить. Портъ Деде-Агачъ не великъ; тутъ же, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ берега находится и вокзалъ желѣзной дороги, куда мы прямо и отправились и застали тамъ майора Старо-Ингерманландскаго полка Духновскаго съ его баталіономъ. Нашъ почтенный боевой товарищъ состоялъ здѣсь начальникомъ гарнизона и комендантомъ порта и станціи. Онъ сообщилъ намъ, что ни вагоновъ, ни паровозовъ намъ стѣ нѣтъ, все забрано въ Адрианополь для перевозки къ Царыграду. Нечего дѣлать, придется снова проѣхать верхомъ до Адрианополя. Пока лошади отдыхали, мы пошли

пообѣдать въ ресторанъ, а казаки обрадовались дешевымъ апельсинамъ и закупили ихъ массу, платя за десятокъ по галагану (2½ коп.). Послѣ обѣда, прогуливаясь, подошли къ самому морю. Берегъ здѣсь совершенно низменный, такъ что какъ посмотришь на волнующееся море, то уровень его представляется глазу болѣе возвышеннымъ, чѣмъ берегъ, и вамъ такъ и кажется, будто это море вотъ-вотъ совсѣмъ уже надвигается на васъ и зальетъ васъ своими зелеными волнами. Это производитъ на душу какое-то подавляющее впечатлѣніе! Но какъ прекрасенъ отсюда видъ острова Святого Іліи!.. Громадная лилово-бурая скала, возносясь изъ пѣдръ моря своими красивыми очертаніями, до половины покрыта сверкающимъ снѣгомъ, и на глазъ сдается, будто она не дальше двухъ верстъ отъ берега, а между тѣмъ до Святого Іліи добрыхъ шесть часовъ плаванія. Видны въ морской дали легкія очертанія и другихъ острововъ Эгейскаго моря, но уже смутно, какъ бы сквозь дымку легкаго тумана. Картина прелестная. Отъ Деде-Агача наша дорога шла все время около полотна желѣзной дороги. На второй день, подѣзжая къ станціи Каваджикъ, насъ догналъ поѣздъ, который возилъ смѣну майору Духновскому и теперь возвращался въ городъ Демотику, откуда долженъ былъ направиться въ Адрианополь. Благодаря этой счастливой случайности, мы пріѣхали во вторую столицу Турціи значительно раньше, чѣмъ предполагали. Здѣсь уже было собрано много войска всѣхъ родовъ оружія, расположенныхъ отчасти бивуаками, отчасти въ домахъ предмѣстья. По бокамъ шоссе, ведущаго отъ вокзала къ городу, стояли парки и артиллерія. Сѣли мы въ извозничій фаэтонъ, запряженный парой; за кучера сидѣлъ босой турокъ съ засученными по локоть рукавами, съ широко-открытою наголо грудью, но за то съ широко-намотаннымъ вокругъ живота поясомъ.

Слѣдуя по предмѣстьямъ, прежде чѣмъ вступить въ самый городъ, проѣхали мы черезъ Арду и Марицу по двумъ широкимъ каменнымъ сводчатымъ мостамъ прекрасной древней постройки. Городъ, увы! на много разочаровалъ наши ожиданія. Издали онъ очень красивъ и своеобразенъ, какъ все вообще восточные города, но вблизи—это скопище вся-

кой грязи и вони; тѣснота улицъ, тѣснота строеній, да и самыя строения, по большей части, какое-то жиденькое деревянное старье, почти готовое рухнуть. Впрочемъ, каменные постройки, какъ напимѣръ казармы, конакъ, базары, бани, мечети, отличаются своею солидностью и массивностью. На улицахъ и тѣсныхъ площадяхъ здѣсь теперь происходитъ вавилонское столпотвореніе. Вотъ ужъ именно можно какъ нельзя болѣе кстати воскликнуть съ поэтомъ:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,

Племень, нарѣчій, состояній!..

Жидовъ здѣсь множество на каждомъ шагу, но не столько турецкихъ, сколько нашихъ. И какіе же „гешефты“ они тутъ продѣлываютъ! Богъ мой!..

По нашей просьбѣ извозчикъ привезъ насъ въ „лучшую“ гостинницу; но когда мы очутились въ отведенной намъ комнатѣ, то неволью самъ собою явился вопросъ: каковы же должны быть тутъ второстепенныя гостинницы, если въ „лучшей“ такая ужасная грязь и мерзость?.. Переодѣвшись, т. е. вѣрнѣе сказать почистившись (потому что переодѣваться было не во что), мы пошли въ конакъ (губернаторскій домъ, громаднхъ размѣровъ), гдѣ помѣщался Великій Князь Главнокомандующій со своимъ штабомъ.

Его Высочество встрѣчилъ насъ очень ласково и благодарилъ за славный походъ. Какъ узнали мы впослѣдствіи, онъ очень беспокоился объ участи нашего отряда, въ особенности при крайне рискованномъ переходѣ черезъ Траянъ. Вскорѣ главная квартира перешла въ Санъ-Стефано, а съ нею и всѣ управленія, и такимъ образомъ, пока я успѣлъ приготовить всѣ дѣла, касающіяся полка, нашъ походный атаманъ уже уѣхалъ изъ Адрианополя.

Поэтому въ мартѣ мѣсяцѣ я долженъ былъ отправиться къ нему въ Санъ-Стефано, и случилось такъ, что въ это самое время при главной квартирѣ была собрана послѣдняя Георгіевская дума, въ которую успѣло попасть и представленіе обо мнѣ, да даже не одно, а два разомъ: за Траянскій перевалъ и за отбитіе 53-хъ орудій при деревнѣ Караджилляръ. За оба дѣла меня представили къ Георгію 4-й степени. Рѣшили такъ: за первое дать Георгіевскій крестъ (4-й сте-

пени), а за послѣднее очередную награду. Кто получалъ эту великую и славную награду, тотъ конечно пойметъ, какъ я былъ радъ и счастливъ и тѣмъ болѣе, что меня позвали къ Великому Князю, который самолично вручилъ мнѣ крестъ, и при этомъ, поздравляя, обнялъ, поцѣловалъ меня и много благодарилъ за подвиги ввѣренной мнѣ части.

Было бы грѣшно не воспользоваться случаемъ побывать въ Константинополѣ, находясь отъ него менѣе, чѣмъ въ разстояніи одного часа ѣзды. Я отпросился и поѣхалъ. Но о Царьградѣ уже столько писалось и въ прежніе годы, и нынѣ, что мое слабое перо, конечно, не прибавитъ ничего новаго къ тѣмъ яркимъ и даровитымъ описаніямъ этого города, какими богата и европейская, и русская литература. Я былъ пораженъ своеобразиемъ и громадностью этого красавца-города. Я восхищался его картинными видами, пока не ступилъ съ парходнаго борта на деревянный мостъ и въ особенности съ сего послѣдняго на набережную Галаты. Лучше было бы остаться при своемъ первомъ впечатлѣніи!.. Мѣстами, несмотря на грязь, пестрота улицъ и уличныхъ сценъ, и архитектура кіосковъ, мечетей и отдѣльныхъ зданій и здѣсь точно такъ же, какъ и въ общей картинѣ, очень своеобразны, красивы, порою даже изящны, но... любоваться ими приходится по большей части не иначе, какъ зажавъ себѣ носъ. Скажу лишь одно, что мусульманскій степенный Стамбуль понравился мнѣ несравненно болѣе, чѣмъ европейская Пера. Посѣтилъ я и Безестень (центральный Стамбульскій базаръ), но увы!.. и сюда уже успѣли вторгнуться товары европейскаго издѣлія, въ видѣ всяческой патентованной дряни, которая намъ и у себя-то дома столь скучно мозолитъ глаза. Какъ жаль, что эта пресловутая „цивилизациа“ со всего, къ чему лишь она ни прикоснется, стираетъ всѣ яркія краски, всѣ самобытныя характерныя черты и особенности!.. Та же печальная участь, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ со временемъ и Стамбулу. Дай Богъ только, чтобъ это „современемъ“ наступило для него какъ можно позднѣе. Оговорюсь, впрочемъ, что пожеланія мои относятся лишь къ художественной сторонѣ Стамбула, его жизни и быта.

Въ Санъ-Стефано пробылъ я всего лишь нѣсколько дней

и опять вернулся въ Адріанополь, гдѣ засталъ одного изъ офицеровъ моего полка, расположеннаго въ то время въ деревняхъ вдоль берега рѣки Арды. Офицеръ этотъ при-былъ съ донесеніемъ, что большія партіи баши-бузуковъ сдѣ-лали внезапное нападеніе на нашу вторую сотню, причѣмъ убитъ одинъ казакъ, а ранено два и пять лошадей; кромѣ того, отбито много казачьихъ и офицерскихъ выюковъ и сотен-ныя письменныя дѣла.

Итакъ, съ нами продолжаютъ драться, не взирая на переми-ріе, благодаря которому казачки, безъ сомнѣнія, послабили мѣры предосторожности, за что вотъ и поплатились. Изумлен-ные дерзостью этого внезапнаго нападенія, мы и не чаяли, что оно было началомъ такъ называемаго „Родопскаго возста-нія“, о которомъ столько накричали Европѣ господа англичане.

Командующимъ въ то время девятымъ пѣхотнымъ кор-пусомъ былъ генераль-лейтенантъ Делинсгаузенъ. Опъ далъ мнѣ предписаніе по возможности успокоить это возстаніе, держась всетаки на линіи рѣки Арды, что однакоже не легко было мнѣ исполнить на такомъ пространствѣ, съ одною лишь наличною казачьею силой моего полка. Входя въ наше по-ложеніе, командующій девятымъ корпусомъ вскорѣ прислалъ къ намъ на подмогу два баталіона пѣхоты и взводъ артил-леріи, такимъ образомъ наша линія была значительно уси-лена, и турки стали меньше лѣзть на насъ. Въ маѣ мѣсяцѣ на смѣну тринадцатому Донскому полку пришелъ девятый Драгунскій полкъ, а моего полка сотни поставлены были по рѣкѣ Тунджѣ, вверхъ отъ Адріанополя и по линіи желѣз-ной дороги, а штабъ полка—въ городѣ Паша-Мустафа-Кепри-Су (первыя два слова означаютъ фамилію губернатора Кеп-ри—мось, а Су—рѣчка, вода). Мость дѣйствительно большой, каменный, черезъ рѣку Марицу. Здѣсь уже намъ вполне былъ отдыхъ, но къ сожалѣнію, низменная мѣстность оказы-вала зловредное вліяніе: люди стали болѣть тифомъ въ зна-чительномъ числѣ, тогда какъ во время стоянки въ горахъ, на Ардѣ, больныхъ у насъ было всего лишь два человѣка. Городъ Мустафа-Паша населенъ на половину болгарами, на половину турками; но послѣднихъ въ настоящее время оста-лось очень мало: всѣ убѣжали въ Константинополь. Какъ

болгары, такъ и турки занимаются здѣсь преимущественно разведеніемъ шелковичныхъ червей, для чего окрестности города сплошь заняты плантаціями тутовыхъ деревьевъ. Садоводы ежегодно подстригаютъ вѣтви, не давая стволу дерева расти въ вышину, для того чтобы ростъ его шелъ преимущественно въ молодые отпрыски, изобилующіе наиболѣе сочными и нѣжными листьями или, какъ называютъ болгары, „купрыной“. Промыселъ доходный, но требуетъ большихъ трудовъ и хлопотъ.

Здѣсь наконецъ-то пришлось мнѣ въ первый разъ за десять мѣсяцевъ бивуачной жизни помыться не въ турецкой, а въ настоящей нашей „рассейской“, солдатской банѣ. Баня эта хотя и съ плохою обстановкой, но все-таки пріятна.

10-го іюня понадобилось мнѣ съѣздить въ Адрианополь Сѣлъ я уже въ вагонъ, какъ вдругъ подаетъ казакъ конвертъ, распечатаваю, и не вѣрю своимъ глазамъ. Вотъ содержаніе бумаги: „Предписываю вашему высокоблагородію немедленно собрать полкъ и всѣхъ отдѣльно откомандированныхъ людей въ Тырново-Семенли, а оттуда слѣдовать къ городу Рушуку“. Подписано: „Россійскій Императорскій комиссаръ, князь Дундуковъ-Корсаковъ“. Можете себѣ представить, какъ мы обрадовались. Я сейчасъ же послалъ нарочныхъ къ сотеннымъ командирамъ. Прощай, Турція! Придется ли когда еще разъ побывать въ тебѣ?..

12-го іюня со штабомъ и двумя сотнями выступилъ я изъ Мустафа-Паши. Посмотришь, у каждаго казака ясно была написана радость на лицѣ. Первая станція Германлы—разоренное турецкое мѣстечко. Дождь всю ночь мочилъ насъ не переставая, но, несмотря на это, на нашемъ бивуакѣ слышны были пѣсни и веселые разговоры.

На другой день пришли мы въ Тырново-Семенли, гдѣ остальные сотни уже ожидали насъ.

14-го числа уже всѣмъ полкомъ, сдѣлавъ небольшой переходъ до станціи желѣзной дороги, пришли въ Эски-Загру,—былъ когда-то хорошенькій городъ, но теперь почти сплошь разоренный послѣ первой забалканской экспедиціи. Страшнымъ погромомъ заплатилъ тогда Сулейманъ-паша эски-загр-

скимъ болгарамъ за ихъ сочувствіе къ русскимъ... Здѣсь по маршруту намъ была назначена дневка.

16-го числа пришли въ городъ Ени-Загру. Какія здѣсь ровныя мѣста! Плоская равнина тянется на нѣсколько десятковъ верстъ, представляя собою такую картину, напоминающую отчасти наши родныя степи, отъ которой нашъ глазъ давно успѣлъ уже отвыкнуть въ горныхъ и холмыстыхъ странахъ Балканскаго полуострова.

17-го попали опять въ долину рѣки Тунджи и пришли въ городъ Сливно. Эта долина на всемъ своемъ протяженіи чрезвычайно живописна. Самый городъ увидишь лишь тогда, какъ подъѣдешь къ домамъ его окраины. Онъ залегъ совсѣмъ въ углу долины, образуемой горными отрогами Балканъ. Опять предъ нами эти страшные Балканы, но въ этомъ мѣстѣ они гораздо ниже сравнительно съ Шипкой и Траяномъ.

На 18 число нашъ маршрутъ указывалъ переходъ въ городъ Казанъ или Котель. По разпросамъ у болгаръ оказалось, что прямо перейти черезъ хребетъ нельзя, поэтому пошли мы въ обходъ и вышли на Ямбольское шоссе. Дорога сама по себѣ оказалась очень хорошею, да къ тому же она была еще исправлена и нашими саперами; но переходъ на этотъ разъ былъ непомятно великъ и въ особенности памятенъ мнѣ тѣмъ, что на самомъ походѣ я опять заболѣлъ лихорадкой. Говорю: опять, потому что еще въ Мустафа-Пашѣ у меня уже были пароксизмы. Городъ Казанъ топографически совершенно оправдываетъ свое названіе, онъ такъ окруженъ отовсюду горами, что сидитъ какъ бы въ котлѣ или въ чашкѣ громадныхъ размѣровъ, и это на самомъ перевалѣ Балканъ. На всѣхъ окружающихъ его высотахъ построены очень хорошіе редуты, такъ что, еслибы пришлось брать ихъ съ бою, то не мало полегло бы народу. Здѣсь мы имѣли дневку, но я все время пролежалъ больной и поэтому города не видѣлъ.

Отъ Котла перевалили мы на сѣверный склонъ Балканъ и начали спускаться съ нихъ все ниже и ниже; черезъ четыре перехода подошли къ городу Разграду. День былъ невыносимо жарокъ, а нашъ путь лежалъ большею частью

вдоль по ущелью, гдѣ почти вовсе не было вѣтерка, такъ что духота стояла просто нестерпимая. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ повѣяло на насъ прохладой; смотримъ — налѣво съ обрыва футовъ 50 вышиной падаетъ съ шумомъ вода; брызги разлетаются пылью, а внизу, подъ этимъ естественнымъ душемъ, солдатики купаются. Мы имъ отъ души позавидовали.

Разградъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и почти нетронутъ разореніемъ, сопряженнымъ въ Турціи съ войной. Въ городѣ большое движеніе; много нашихъ войскъ. Здѣсь была получена мною телеграмма отъ походнаго атамана, генераль-лейтенанта Томина, съ приказаніемъ увѣдомить его, когда полкъ придетъ въ городъ Рушукъ. Здѣсь же въ мой полкъ на бивуакъ пріѣхалъ командиръ атаманскаго полка генераль Мартыновъ, бывший сослуживецъ по Лейбъ-Казачьему полку. Въ моемъ полку онъ много нашелъ казаковъ, служившихъ въ 94 армейскомъ полку, которымъ онъ командовалъ. Благодарилъ ихъ за молодецкую службу.

27-го іюня пришли мы къ Рущуку. Когда открылся предъ нами Дунай, то люди, несмотря на жару, замѣтно оживились какъ бы въ какомъ-то нервномъ возбужденіи. Поднялся бойкій, веселый говоръ, явилось мѣсто воспоминаній о началѣ этой войны, и каждый изъ нихъ спѣшилъ узнавать и указывать на противоположномъ берегу Дуная знакомыя мѣста: Журжево, Слободзею и пикетъ Малорошь... А вотъ прямо предъ нами на этомъ берегу и знаменитый турецкій фортъ Левентъ-Табія, сейчасъ значить и самый Рушукъ, — предѣлъ нашему странствію по Болгаріи. Полкъ прошелъ чрезъ весь городъ, войдя въ Разградскія ворота и выйдя въ Силистріійскія. Назначено было намъ стать бивуакомъ у берега Дуная, гдѣ и оставаться впредь до приказанія; но приказаніе это послѣдовало не скоро, почему и остановились мы здѣсь на отдыхъ до 11-го августа.

Въ теченіе этого времени походный атаманъ, прибывшій въ Рушукъ, произвелъ полку инспекторскій смотръ и остался очень доволенъ какъ людьми, такъ и лошадьми. Дѣйствительно, поотдохнувшіе люди имѣли бодрый видъ, а лошади настолько сохранились, что многія изъ нихъ годились бы еще для одного похода.

10-го августа — ура! радость!.. Отъ генераль-адъютанта Дрентельна было получено предписание, чтобы 11-го числа выступить со ввѣренными мнѣ полкомъ въ предѣлы Россіи, причѣмъ прилагался и маршрутъ, по которому путь нашего слѣдованія былъ тотъ же самый, какимъ шли мы изъ Россіи къ Дунаю, а потому не считаю интереснымъ повторять то, что уже было описано мною.

Еще разъ прошу читателя моихъ Записокъ извинить автора, если что найдете не интереснымъ. За справедливость же описаннаго рачуюсь.

Записка Генерала М. Д. Скобелева

ЕСАУЛУ 30-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА

А. Грузинову.

Любезный Грузиновъ, вмѣсто того, чтобы сообщать, что дѣлается на Балканахъ, для такого отличнаго офицера какъ вы, вамъ бы лучше пронюхать основательно, по казачьему: 1) Что дѣлается въ Карловѣ, Траянѣ и Ловчѣ. 2) Путь отъ Карлова до Траяна проходимъ-ли для артиллеріи и не исправляютъ ли его турки. 3) Гдѣ собраны болѣе значительныя шайки баши-бузуковъ, какъ расположены и нельзя ли ихъ удобно срѣзать. 4) Ходятъ-ли и когда транспорты непріятеля изъ Траяна и Микре въ Ловчу, порядокъ ихъ слѣдованія, составъ прикрытія и проч.

Вообще нельзя ли нагнать страху на непріятеля смѣлымъ движеніемъ кавалеріи изъ Рабіи Бориме (Borima), гдѣ 29 іюля была въ сборѣ большая шайка, Микре, Радевени. Можно ли **вездѣ** пройти съ конной артиллеріей, что первоначально важно. Осторожность и глубокая тайна при сборѣ свѣдѣній съ вашей стороны необходимы.

Подумайте **осторожно** и провѣдайте.

Жду отвѣта къ завтрашнему утру. Въ случаѣ опасности знайте, что у меня казачья бригада.

Генераль-маіоръ *Скобелевъ.*

Бивуакъ на позиціи у Каприла
на Ловче-Сельвинскомъ шоссе.

1877 г. 14 августа.

10-го августа 1877 года
 Директор
 Записки Генерала М. Д. Скобелева
 1877 г. 14 августа
 А. Грүннову.

Полковник Грүннов, вместо того, чтобы сообщить, что дивизион
 на Вагнере, был сего дня окончательно по казавшемуся (1) что дивизион
 также промучался основательно, по казавшемуся (2) что дивизион
 из Кайрора, Трайна и Лорда (3) что от Кайрора до Трайна про-
 ходит на два аршина и не перемещает ни его трубы (4) что
 подобны более значительная левая башня - башня, как
 расположенная в нем, так и другая (5) Ходит ли и
 когда транспорт не привезет на Трайна и Минск на Лорду, по-
 тому из сражения, состоит прикрытия и про-
 водит неважно и не имеет трубу на неприметном расстоянии
 дивизиона кавалерии на Радине (Вагнер), где 29 июля был
 из башни башня вайка, Минск, Раженя. Можно ли еще пройти
 на конной артиллерии, что перевозка очень важна. Осторожность и
 глубокая тайна при башне вайка с вашей стороны необходимы
 Лорд имеет осторожное и предвзятые
 Жду от вас как всегда моего утру. В случае известности звать
 что у меня казавшая башня

Генерал-майор Скобелев

Башня на позиции у Кайрора
 на Лорде-Славинском шоссе.
 1877 г. 14 августа

<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>
<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>
<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>	<p>Ваше письмо получено и в ответ на него буду отвечать в ближайшее время</p>

СМБЛИОТЕРА
 АКАДЕМИИ
 ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК
 СССР

1941 г. 14/III

1
1881
MB

1894

2007335187